

НИКОЛАЙ КОЛЯДА

ЗЕЛЁНЫЙ ПАЛЕЦ

Пьеса в двух действиях.

г. Екатеринбург
2020 год

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

СЕМЕН ПРОКОПЬЕВИЧ – 60 лет

СВЕТЛАНА ИГОРЕВНА, его жена – 60 лет

ТАТЬЯНА, их дочь – 40 лет

ПЕТР, её муж – 40 лет

ТИМОФЕЙ – их сын, 20 лет

БРАЙЕН – друг Тимофея, 20 лет

ГРИГОРИЙ ПЕТРОВИЧ – 60 лет

ИННЕССА СЕРГЕЕВНА, его жена – 60 лет

КЛАРА, официантка - 60 лет

ИВАН, разнорабочий в чебуречной – 60 лет

ИГОРЬ, тамада – 40 лет

ИРИНА, артистка – 30 лет

ГАЛИНА, артистка – 30 лет

*Действие пьесы происходит в декабре, в подвале,
где располагается чебуречная в советском стиле. Наши дни.*

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Скоро Новый год. Чебуречная под названием «Сделано в СССР» расположилась в подвале в центре провинциального города. По грязным ступенькам надо спуститься вниз, а дальше – будет зал, и дверь на кухню. Окон в подвале нет, но всё равно уютно, по-простому и чисто, всё тут сделано в советском стиле. Говорят, в советское время было грязно в столовых. Тут не грязно, нет, всё, наоборот: как в советские времена – очень даже чисто.

Десять столиков в зале. В проёме – прилавок, здесь выдача блюд, тут еще касса, витрина стеклянная, в которой выставлены тарелки с контрольными блюдами. В витрине на тарелках и выпечка, и котлетки с гречкой, и пельмешки. Ну, и чебуреки еще, конечно. Всё, что хочешь.

Прямо у ступенек из подвала закуток – гардероб. Там вешалки болтаются, на них пальто и шубы. У гардероба засиженное мухами зеркало. Рядом с гардеробом маленькая дверь в туалет.

В зале на стенах плакаты фильмов из пятидесятых-шестидесятых: тут и «Простая история», и «Кубанские казаки», и «Девчата», и «Иван Бровкин на целине», и весь остальной набор, включая «С легким паром!» и «Гусарскую балладу» ... На стене висит телевизор и в телевизоре идет без звука фильм «Иван Васильевич меняет профессию».

На потолке длинные люминесцентные лампы. Одна лампа сломалась, подгорела и свет от нее раздражающе подрагивает. Еще стоит у входа в зал музыкальный аппарат – где его только выкопали? Это такой механизм: надо купить жетончик на кассе, бросить жетон в щель аппарата, нажать кнопку, выбрать пластинку и песню. В автомате что-то зажужжит, защелкает и заиграет советская песня: «Налетели вдруг дожди, наскандалили ...», или «Арлекино», или «На тот большак ...» - красота, а не песни! Не этот пожар в публичном доме, что сегодня из телеящика и на радиостанциях – в этом уверены все, кто сюда приходит отдохнуть, выпить, расслабиться, вспомнить прошлое. Хотя насчет выпить – нельзя, табличка висит, как водится: «Приносить и распивать спиртные напитки запрещается!». Ну, и еще одна табличка советская «У нас тут нет пап и мама, поел – убирай посуду сам!». Еще на стенках фотографии: Хрущев стучит ботинком по трибуне в ООН, Хрущев любит посадами кукурузы, Анжела Дэвис приехала в Москву, Саманта Смит целуется с Брежневым, Брежнев целуется с Хоннекером, Гагарин идет, шнурок развязался, советские космические корабли с подписями «СССР проложил дорогу в космос!». Короче, весь советский набор, вся советская гордость. Всё можно разглядывать часами и узнавать что-то про жизнь в СССР, кто не знает. А кто знает – всплакнуть: какая жизнь была! Ну, и конечно тут висят на стенах картины «Утро в сосновом лесу», «Аленушка», «Три богатыря», «Девятый вал» и так далее.

Четыре стола сдвинуты в центр, превратившись в один большой стол, покрытый белой скатертью. За столом сидит компания, празднует день рождения, юбилей Семена Прокопьевича. Он в центре стола сидит, в костюме с галстуком, с орденами и медалями на пиджаке. Слева от него его жена, Светлана Игоревна – вся в брюликах и в люрексе, с высокой прической-шишкой на голове, по-советски. Рядом с ней расположились Таня и Петр, муж и жена. Таня – дочь Светланы Игоревны и Семена Прокопьевича. Одета Таня буднично, обычно, как офисный работник: коричневый пиджак и такая же коричневая юбка. Петр – в костюме и в галстук, костюм синий, в полоску, щегольской. С другой стороны от юбиляра сидят муж и жена Григорий Петрович и Инесса Сергеевна. Григорий Петрович – поэт и в одежде это узнается: хоть и в возрасте юбиляра Григорий Петрович, но молодится, какая-то на нем разлетайка и штаны с ромбами, молодежные, творческие. Инесса Сергеевна – актриса, она тоже расфуфырена так, что увидь ее на улице – поймешь за километр, что несет себя на лопате известная провинциальная артистка.

Вот сидят все. Празднуют юбилей ...

СЕМЕН. Слушайте, они, это самое, всегда не доведывают. Их контролировать надо. Вот там, в витрине контрольные блюда, там написано: сколько грамм, какой выход на вынос...

СВЕТЛАНА. Ты как телевизор в Таиланде: «Сяо-ляо! Сяо-Ляо». Ты про что, боцман?

СЕМЕН. Какой, это самое, телевизор, где?

СВЕТЛАНА. Ну, телевизор в Таиланде так говорит одно и то же непонятное: «Сяо-ляо! Сяо-Ляо». Какой выход на вынос? Где выход? Что ты мелешь? Ешь уже!

СЕМЕН. Ну, Игоревна, ты как оно, правда! Ну, слушайте, сколько должно быть вложено в блюдо, это самое, такой выход! Всё надо проверять, они обманывают ... Или водку бодяжат. Грамм двадцать в каждом блюде – и, это самое, на карман себе. И не доведать!

ПЕТР (*пьет, хохочет*). Понесли ботинки Митю ... Во штырит Семена Прокопьевича, а?! А что – правильно говорите! А потом – раз! – и себе дачу в Майями! А потом – раз! – и

крышу в доме на Майями кроют! Всё вы знаете, а?! Бывших кагэбэшников не бывает! Раз – а?

СЕМЕН. Раз, раз – ватерпас. И не смешно. Я работал в эмвэдэ, а не в кагэбэ. Есть, это самое, разница. А потом я работал в горадминистрации ... А потом ...

СВЕТЛАНА (*смеется, тарелки переставляет*). Да ешь, мы знаем! А я думаю: про что ты, про какой выход? Я всё думаю и думаю: про какой выход он говорит? Выход – вон!

ТАНЯ. Вон – выход, лестница на улицу, вон – туалет, курить на улице! Петя, слышишь?

СЕМЕН. Я про выход блюд!

СВЕТЛАНА. Да ешь уже и молчи уже. Не знаю, какой выход. Вкусное всё какое. Вы ешьте давайте все, не скромничайте. Инесса Сергеевна, а? Григорий Петрович, грибочки к себе подвиньте, а? Оливье вот, селедка под шубой, компот, кокушки, а?

ПЕТР (*хохочет*). Кокушки, блин! Какие кокушки, Светлана Игоревна?

СВЕТЛАНА. А я что сказала? Ну, яйца фаршированные. Еще вот - жареный минтай, шпроты, медальки – медальоны мясные... Всё такое советское, а? Ешьте, наедайтесь сильнее давайте, а! Как можно сильнее наедайтесь!

ПЕТР. Стол у нас зашибись, слюна до колена! Сыр в панике, отбивная по печени, котлеты с цыганским колером, гуляш по коридору и хинкали круглые, коричневые! (*Хохочет, ест*). Аттракцион невиданной щедрости! (*Поет, ест*). «На златом крыльце сидели шесть мохнатых мужиков! Мышкин, Пышкин, Пупырышкин ...»

ТАНЯ. Ну хватит, тут люди! И не пей ты так, уже нафлаконился, ну?

ПЕТР. «... Бородин, Гандин, Цветков!». (*Ест, хохочет*). Жена, шла бы ты на мой пукан, а? Я праздную тестю юбилей! И потому я буду петь, да, Семен Прокопьевич? Таня! Танечка моя! Любимая! Ты давай тут - не грусти! А то грудь не будет расти! (*Хохочет*). Ну, сколько всего на столе, а? И вино у нас какое! Называется: шатó-де-картóн, шатó-тетрапáк, шатó-де-пакéт, а?! Не из бутылок!

СЕМЕН. Фитилек-то прикрути, а то коптит, Петя, а? Смотри вот: пьем одинаково с Петей, а выхлоп разный! Не подкалывай, зятек! Знаю, про что говорю, это самое. И про выход я правильно сказал!

ПЕТР. Вы про что опять, ну?

СЕМЕН. Я к началу разговора. Не доложат в блюда, а потом – ну, не дачу, это самое, нет, не дачу, не дачу, нет! Но домик трехэтажный под городом построить могут, понимаешь ...

ПЕТР. То да потому, то да потому!

ИНЕССА (*обмахивается китайским веером, смеется*). Семен Прокопьевич, я что хочу сказать: вери сори. Вы оригинал. Ну, вы нашли место для банкета, ну, нашли. Очень даже. Центр города, рядом с театром с моим! Прямо это что-то с чем-то! Я и не знала, а тут такая забегаловка! Ну и выставка на стенах тут, всё советское - я прямо: вери сори... Вы понимаете, да?

ПЕТР (*ест*). Стиль называется «обшарпэ». Гляньте под стол: стасики бегают ...

ГРИГОРИЙ. Какие стасики?

ПЕТР. Да тараканы, блин!

СЕМЕН. Слушайте, врет он, ничего тут нет. Я люблю, это самое, это место, часто тут бываю, меня тут знают. Тут всё советское. Я родился в СССР. Мне тут так нравится. А что в ресторане проводить? Я не из-за денег, слушайте. Мне тут хорошо! Мы вот вчера со Светланой за свои деньги на Плотинке открыли скамейку. Ну, будто мы там на ней

познакомились. Открыли, заплатили. Слушайте, это самое, Светлана Игоревна ...

ГРИГОРИЙ. А я скажу вам всем: я ненавижу совок. У меня всё, спасибо.

СЕМЕН. Вот, это самое, новость. Ненавидь. Потом поговорим. Выпьём!

ПЕТР. Вот выпьют и опять свою песню: раньше было небо голубее и вода чище. А этот: не было свободы, были коммуняки. Да? Испанский стыд! Хватит!

ТАНЯ. Ты ешь вот, сказала, ну? И не пей.

СЕМЕН. И что? Мы старые. Нам можно поболтать. Мы не ругаемся, а так, языками цепляемся. Так, всё! (*Встаёт*). Я вот, это самое, тост скажу.

ПЕТР (*хохочет*). Всё, запасаемся попкорном, все - на низкий старт!

СЕМЕН. Гриша, Инесса, Петя, Таня и любимая супруга моя дорогая Светлана Игоревна, это самое! Слушайте меня!

СВЕТЛАНА. Тёмы вот нет. Где вот он шляется? Хоть бы поел, а?

СЕМЕН. Сейчас придет. Не мешай говорить. Ну вот. У меня юбилей. Итак! Мне 06!

ПЕТР (*хохочет*). Вам не наливать тогда, Семен Прокопьевич, раз пришла деменция!

СЕМЕН. Ладно, не 06, а шестьдесят! Петя, хорош, ну?! Слушайте, а? Ну, подкалывать только! Шутка. Ну вот, это самое. Хочу сказать, оглядываясь на свою жизнь, это самое ...

ИНЕССА. Мама Орфею говорила: «Пой и не оглядывайся!». Вери сори.

ПЕТР (*поет*). Трынди-брынди, пассатижи!

ТАНЯ. Да дай отцу сказать!

СВЕТЛАНА. Говори, Семен! Ешьте салаты, заплатили за всё! Наедайтесь сильнее, а?

ИНЕССА (*смеется*). Нет, это что-то с чем-то. Вери сори ... Ну, вы понимаете, да?

СЕМЕН. Ну вот, это самое ... И я что хочу сказать. Вот у меня – зеленый палец. Без комментариев, Петя! Вот на даче – это я всю ночь думал, чтобы вам сказать! Ну вот, вот на даче у нас с Инессой, тьфу, со Светланой я, значит, это самое, что ни посажу – вырастет. Она посадит – не растет! Она меня зовет и говорит: «Сёма, посади ты, а?!». И я сажу.

ПЕТР (*хохочет, ест*). Садю.

СЕМЕН. Да! И всё растет! Палку всуну в землю – дерево вырастает! Я что хочу сказать: и в жизни у меня так. Вот – Таня, это самое, дочурка, у нее муж такой, вот. Потом - у них внук в Англии учится – не хухры-мухры! Придет сейчас Тёмочка мой любимый, приехал пока ненадолго, на дедушкин день рождения прилетел, вот придет, это самое! И вот – Светлана Игоревна, значит, это самое! Столько лет я с ней! Короче, вот у меня – видали?! – зеленый палец! Что ни посажу в жизни – всё растет! Слава тебе, Господи! (*Крестится*).

ГРИГОРИЙ. Что ты крестишься, будто мух гоняешь? Вот так креститься надо, так правильно! (*Крестится*). Мы с Инессой ходим в Вознесенскую церковь утром и вечером ... У меня всё, спасибо.

СЕМЕН. В церковь? Да? А мы – нет! А мы - коммуняки бывшие, как вы говорите, либерасты, это самое! Мы вот pokрестились недавно, как все, и потому вот так вот мух гоняем! А ты, как старуха в церкви, всё всех одёргиваешь! Ладно тебе! Ну вот! Представляю всех дальше! Вот Гриша, это самое, мой дружок стародавний, с которым мы ругаемся каждый день и каждый день созваниваемся и миримся. Потому что мы – это самое: друзья!

ИНЕССА. Бесконечно можно смотреть на воду и огонь. И без конца можно слушать, как

вы ругаетесь. Милота! Прямо это что-то с чем-то, вери сори ...

СЕМЕН. Зеленый палец у меня! Что ни посадил в жизни – всё выросло! Выпьем за меня!

ПЕТР. Выпьем за зеленый палец, которым ковыряются в носу! (*Хохочет*).

ИНЕССА. Прекращайте, Пётр?! За столом такое?! Интеллигентные люди, тут, ну? Вообще: это что-то с чем-то! Дурдомина какая-то!

ГРИГОРИЙ. Мне надо стихи такие написать: «Зеленый палец!». Мысль, а?

СЕМЕН. Пиши, пиши. А я помогу с изданием книги, это самое, как всегда, Гриша.

ГРИГОРИЙ. Кстати, я принес, да, вот! У меня праздник. Книга вышла только что из типографии. Дарю, Семен Прокопьевич! У меня всё, спасибо.

СЕМЕН. Ну, спасибо. Да. Пьем. И всё. И вот еще скажу! Сталин сказал: «Пенсия – это зарплата за воспитание внуков и за сохранение преемственности поколений!».

ПЕТР (*хохочет*). Расстрелять!

ИНЕССА. А к чему это за столом – про Сталина? Вери сори, не надо.

СВЕТЛАНА. Муха какая залетела – прямо бомбовозина летает, а?

ПЕТР. По-они-ма-эшь ...

ТАНЯ. Ну, не цепляйся к отцу!

СЕМЕН. И чего ты, это самое, подкалываешь? У меня днюха, а он меня, понимаешь ...

ПЕТР. Да ладно, Семен Прокопьевич! Охота вам, а? Я веселю всех, что-то радостное говорю. Мы же люди. Мы должны коммуницировать. Вот надо мне вас подкалывать? Я вон как вас уважаю: я вам лично на дэрэ – концерт заказал. Сейчас начнется. Тамада и артисты.

СВЕТЛАНА. Ой, и концерт будет, да? Я вот в прошлом году ходила в облдрамтеатр, меня Инесса Сергеевна звала, ну, слушайте, там так интересно, ага? Такое фойе, и буфет, и кресла мягкие, бархатные, три часа сидела, смотрела ...

ПЕТР. Сколько впечатлений ... И попа за три часа не заболела от кресел?

СЕМЕН. Помолчи. Все молчите давайте на фиг. У меня день рождения. Я говорить буду.

СВЕТЛАНА. Петенька, ты ешь, а? И ты, Семен, закусывай. Вы все чего-то разогнались. А ведь только начали. Смотри, Семен, стол какой статусный. Стол я заказывала, за всю пенсию за месяц, чтоб Семену ...

ИНЕССА. Хорошая у вас пенсия, Светлана Игоревна, вери сори ...

СВЕТЛАНА. Инесса Сергеевна, Григорий Петрович, вы налаживайте себе, подвиньте тарелки и налаживайте, и салатиков, и всякого там. Скоро горячее еще будет, а?

ИНЕССА (*смеется, обмахивается веером*). Да мы налаживаем, Светочка, налаживаем ...

СВЕТЛАНА. Я не так сказала? Ну, простите, мы люди простые ...

ГРИГОРИЙ. Тихо, тихо! Вот ты говоришь, Семен Прокопьевич, что ты будешь говорить весь вечер, да? А тостики? Дай и гостям сказать. Я вот стихи тебе специально ...

СВЕТЛАНА. Ой, стихи! Я так люблю Асадова! «Плачет девочка в автомате», а?

ИНЕССА. У Григория Петровича недавно вышла книга, третья уже. Обратите внимание. Великолепная книга вышла. Ну, вы понимаете, да?

ГРИГОРИЙ. Да, вот я принес, с дарственной, так сказать. Называется моя новая книга «Рябиновые зори» ... Ну, это такой итог творческой деятельности, можно сказать. Когда

меня приняли в Союз Писателей, я ...

СВЕТЛАНА. А еще вот тут гусиная печень, такая вкусная ...

ГРИГОРИЙ. Там в конце благодарность за помощь в издании Семену Тарасову, вот ... И вот потому я, поскольку я, то я хочу свои стихи ...

СЕМЕН. Не забыл, не забыл! Поэт, понимаешь, это самое, так сказать: наша местная достопримечательность в окрестностях города! «Рябиновые дали», да?

ГРИГОРИЙ. Зори ...

ПЕТР. Муди ...

ТАНЯ. Тише ты!

ИНЕССА (*ест рыбу, пальчиками достает изо рта кости*). Там есть просто удивительные стихи. О Родине, о войне, о духовности, о преемственности поколений ...

СЕМЕН. Вот я и говорю: Сталин сказал, что пенсия – это за преемственность дается ...

ГРИГОРИЙ. При чем здесь пенсия и Сталин? Он – кровавый тиран, а вы за столом ... У меня всё, спасибо.

СВЕТЛАНА. Ой, не говорите! Нам духовности так сейчас не хватает, Инесса Сергеевна!

ПЕТР. Еще одна ...

СВЕТЛАНА. Молодежь сейчас пошла такая, что ... Таня, Петя! А где молодежь наша? Где Тема со своим этим англичанином прибабахнутым?

ИНЕССА. А он зачем его привез из Лондона?

ТАНЯ. Показать Россию. Пусть смотрит, учится.

ПЕТР. И пусть запомнит, что сюда – ни ногой! (*Хохочет*).

ТАНЯ. Придут сейчас, он ему город показывает. Вчера прилетели, спали, вот с утра и ... Я всё забываю, как его зовут?

ПЕТР. Дэвид.

СВЕТЛАНА. Еврей, что ли? Бывают в Англии евреи?

ПЕТР. Полно! Пол Англии евреев! Да и не Дэвид, а Брайен. Так он сказал.

СВЕТЛАНА. А не англичанин он, значит? Ой, я их всех путаю: Дэвид, Брайен. У Темы столько тут друзей было, и там тоже столько – он их как перчатки ... Да налаживайте вы себе, ну?! Не стесняйтесь. Ешьте, а то что – выкидывать? Налаживайте, сказала!

ТАНЯ. Мама, «положите» надо говорить!

СВЕТЛАНА. А я что сказала? Ой, квасишься. Всё не так мать делает, вы все умные ...

Пришла Клара, следом за ней идет Иван, несут подносы. Они в белых халатах, у Ивана шапочка на голове белая, а у Клары кокошник. Иван всё время смеется невпопад.

КЛАРА. Оливье вот еще, посуньте тарелки. Ваня, сюда ставь шанежки ... Котлеты жарются. Через час подавать будем. Или как? Или что?

ПЕТР (*хохочет*). Еще одна. «Посуньте». «Жарются». Ага.

ИНЕССА (*хохочет*). Прямо это что-то с чем-то, вери сори!

КЛАРА. Вы спиртное так не ставьте, спрячьте под стол. А то директор вдруг с проверкой – у нас нельзя. Читать умеете? Вон, на стенке нарисовано.

СЕМЕН. Здравствуй, красавица! А тебя как зовут?

КЛАРА. Клара Сергеевна. Вы ж меня знаете. Сто раз тут были. Сюда ставь тоже, ну?

ПЕТР. Ой, Клара Сергеевна, какая у тебя сковородина! Прямо Вилларібо или Виллаба́джо! А ты кто тут, техничка или повариха? А это что за сурикат с тобой?

ИВАН (*смеется*). Сколько волка не корми, а у медведя толще! Хотите, я расскажу вам, как прокачать свой инстаграм?

КЛАРА. Ваня, не позорься. Он шутит всегда. Это Ваня, он официантом, помогает. А я на кассе и - варю. Повариха в отгуле. Или в запое – не знаю. Ну, запара какая, много вас как, а? ... Вы спиртное так не ставьте, говорю, ставьте под стол, говорю.

ПЕТР. И что, мадам Клара? Говоришь, винчик спрятать? И как? Из-под стола наливать?

СВЕТЛАНА. Мы заказывали, чтоб спиртное с собой. Так дешевле. Мы пенсионеры. Вы тут такие цены ломите, что ...

КЛАРА. Ну, не знаю, не я заказ принимала. (*Ставит тарелки*). Я вот слышала ваш разговор. Я комсомолкой была. А Ваня – коммунистом.

СЕМЕН. Ты к чему это, красавица?

КЛАРА. Разговор поддержать. Спиртное не ставьте, сказала, раз с собой принесли!

ИНЕССА. Гриша, они спиртное – с собой. Ой, Боже ... Что-то с чем-то, говорю же.

СЕМЕН. Дак у вас же закрыто на спецобслуживание, написано, нет? Почему надо прятать?

КЛАРА. Ну, директор, говорю же. Нельзя раз – дак я тут что? Нет, вы спрячьте.

ГРИГОРИЙ. Я потом про вас напишу в газету за это! Или в Фейсбук и в Одноклассники!

КЛАРА. За что? За ваше пьянство? Вы что такое говорите? Вы слушаете себя, нет? Прекратите говорить и безобразия хулиганить. Ваня, подносы забирай и пошли ...

Клара и Ваня взяли со стола какую-то посуду и ушли.

ИНЕССА (*хохочет, обмахивается веером*). Маромойки какие-то, видал? Грязными руками всё ... Вери сори ... Это прямо что-то с чем-то ... Это флэш-бомб просто! Пат и Паташоп прямо!

ПЕТР (*хохочет*). Это прямо как в анекдоте: «Вас много, а я одна». Какой паташоп? Фотошоп? Какой флэш-бомб? Поди, флэш-моб? Я умру с вас!

СЕМЕН. Вот, жалобная книга у них где?

ПЕТР. Да черт с ними. Как пили, так и будем пить. Наливай!

ИНЕССА. Вот он – совок. Вот она – зараза какая, везде она, как мгновенно эта зараза коммунистическая умеет распространиться, вери сори, конечно, но это что-то с чем-то ...

ГРИГОРИЙ. Полный набор. Раз чебуречная «Сделано в СССР», то и получи хамство ...

СВЕТЛАНА. Вы наедаетесь давайте, ну?

ИНЕССА. Я вот думаю, что этих буфетчиц обучают в специальных, специализированных театральных школах. Только там можно научиться вот этому кошматерному общению с клиентами ... Это ведь прямо что-то с чем-то, нет?

СВЕТЛАНА. Вот зачем ты захотел тут день рождения? Вот и получай такое отношение.

СЕМЕН. Мы привычные. Корона не свалится. Я ведь, это самое и не то снесу. Так что – тихо. Не убирайте, пейте, наливайте, а придет директор если, я поговорю с ним. (*Встал*). Я всю жизнь в МВД, потом в администрации сколько лет – я знаю, как разговаривать. С позиции силы! И потом: я люблю СССР! Тут всё мне мою юность напоминает!

Вдруг заплакал.

Наливайте давайте! И спокойно мне тут!

СВЕТЛАНА. Ой, ты чего? Ну-ка, не плакать! Тихо мне тут! Ты в СССР, что ли, жил? Ты только родился в СССР, нет? Ты малюпусенький был, ты что помнишь?

СЕМЕН. Я всё помню. Я и пионером, я и комсомольцем ... Вот так!

ИНЕССА. Юность комсомольская моя. Не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым. Три источника, три составных части марксизма-ленинизма. Вери сори, разбередила.

СЕМЕН. Инесса Сергеевна, вот у меня ощущение, это самое, что вам сегодня всё тут не нравится? Проблемы?

ИНЕССА. Господь с вами, Семен Прокопьевич! Если вы дружеское покалывание, даже флирт принимаете за сексуальные домогательства ... Это прям что-то с чем-то ...

СЕМЕН. Чего?!

ИНЕССА. Да нет, я про тренд, так сказать ... Про то, что сейчас в воздухе ...

СЕМЕН. Чего?!

ИНЕССА. Никто не смеется. Все уважают вашу позицию. Как говорил Шпаликов: «По несчастью или к счастью! Истина проста! Никогда не возвращайся! В прежние места!».

СЕМЕН. Почему не возвращайся? Возвращайся! Там много хорошего было, это самое ...

ИНЕССА. Хорошо, хорошо, продолжим! Гриша, стихи хотел, ну?

СВЕТЛАНА (*дочери, тихо*). Таня, что она всё время говорит такое, прыгает с мысли на мысль, я ничего не понимаю? И всё с подковырочкой с какой-то, а?

ТАНЯ (*тихо*). Это сегодня такой стиль, мама, у интеллигенции.

СВЕТЛАНА (*тихо*). Да меня тошнит! Сидит, королева сраная! Звездануться - туфли гнутся!

ПЕТР. Стихи! Слушайте! Я первый - стихи, а потом вы все! «Слесарь Хабибулин! Сидя возле елки! Как жену родную! Засосал ноль восемь!»). (*Хохочет, ест*). И, как говорит Григорий Петрович: «У меня всё, спасибо!».

СЕМЕН. И комсомол, и октябрята, и даже, это самое, КПСС – это всё мое и наше. Вот. Я что хочу сказать: я ни на кого доносов не писал, на меня и на мою родню не писали, никто из наших в лагерях не сидел, не репрессировали, так что я про Сталина ни плохого, ни хорошего не буду.

ГРИГОРИЙ. Ненавижу совок. Свободы не было, ничего не было ...

СЕМЕН. Колбасы не было! Давай уж про колбасу начинай, Гришенька!

ГРИГОРИЙ. И колбасы не было, всё по талонам! Итак ... Я хотел прочитать стихи ...

СЕМЕН. Да! Но никто с голоду не помер, и к кому, помню, не зайдешь – холодильники битком, это самое. Но зато сейчас ее для вас, колбасы этой, Григорий Петрович, полно. И колбасы, и свободы, это самое ...

ГРИГОРИЙ. Свободы не бывает достаточно! У меня всё, спасибо.

ИНЕССА. Гриша хочет сказать, что ...

СВЕТЛАНА (*Тане, тихо*). Что она переводит с русского на русский?

ИНЕССА. ... что - нет! Сейчас, конечно, можно тоже придираться, но я ... Но мы ... Я ...

ГРИГОРИЙ. Инесса, ну что ты перебиваешь? Я сам скажу!

ИНЕССА. Да пожалуйста, милый, вери сори. Это что-то с чем-то.

Петр хохочет. Снова пришли Клара и Иван, ставят тарелки.

Так вот, я закончу. Мы с Григорием, с Гришенькой с моим, мы всегда в оппозиции. Мы как шестидесятники. Мы от родителей научились. Возьмемся за руки друзья. Вери сори.

СЕМЕН (Кларе). Красавица, ты сюда не ставь, прольешь ... Ну, что ты как это самое ...

КЛАРА. За «красавицу» спасибо. Бутылки уберите под стол, кому сказала?

ИНЕССА. Мы с родителями – «Голос Америки» слушали, мы – про оттепель знаем, нам понятна выставка с бульдозером и так далее. Вери сори. Ну, это было что-то с чем-то.

ПЕТР. Всё, хорош! Начинают воду в ступе толочь!

ВАНЯ. Вы танцевать будете, дак смотрите внимательно. Вот эта херабора упадет на голову и всё. Кердык бабай будет вам всем.

КЛАРА (толкает Ваню). Да иди уже отсюда, херабора ...

Клара и Иван ушли.

СЕМЕН. Вот голубых сейчас развелось – из каждой дырки. Раньше так не было.

ГРИГОРИЙ. Вот тут ты прав.

СЕМЕН. В СССР секса не было! А сейчас этой заразы – ужас сколько, телевизор нельзя, понимаешь! Как Бог миловал нашу семью, это же вирус, зараза, все заразиться могут ...

ТАНЯ. Папа, ешь давай, мама, ну? А что у вас за кофта такая, Инесса Сергеевна?

ИНЕССА. Красивая? Мне тоже очень нравится.

СВЕТЛАНА. А вашего размера не было?

ИНЕССА. Это прям что-то с чем-то ...

ПЕТР. Пьем! Кто с водкой дружен, тому хер не нужен!

СВЕТЛАНА. Да хватит тебе, надоел!

СЕМЕН. И так! Дорогие товарищи! Мне сегодня 60. Но я с оптимизмом и уверенностью смотрю в будущее. И чтоб два раза не вставать, скажу еще, это самое ... Вот, со мною верная супруга, она моложе меня на полтора года, Света, Светлана Игоревна, с которой мы пережили столько, но всё вынесли ...

ИНЕССА. Да уж, вынесли всё ... Нет, нет, я так, вери сори!

СЕМЕН. Ну вот. Еще тут мои любимые все. И внук придет мой Тимофей. Примкнувший к ним, примкнет к нам скоро ...

ИНЕССА. И примкнувший к ним Шепилов ...

СЕМЕН. Да, Тимофей, он учится в школе в знаменитой, это самое ... Как ее?

ТАНЯ. В Оксфорде!

СЕМЕН. Да, вот она правильно сказала! И этот, это самое, значит, по моим по стопам пойдет, по моим, обязательно, ждите!

ПЕТР. По головам не пошел бы, сукин сын. А он пойдет и раздавит, оглоед конченный...

ТАНЯ. Ты что так про сына? Тут люди, ну? Помолчи, а?

СЕМЕН. И вот, это самое, я хочу в этот светлый день, так сказать, понимаешь

Пришли Клара с Иваном, несут что-то на подносах, всё дымится от пара.

КЛАРА. Ну, уберите бутылки, я же попросила!

ИНЕССА. Ну тихо, именинник говорит тост, а вы сапогами, ну? Женщина?!

КЛАРА. А я что? Говорите. Тарелки подвиньте эти, поставить некуда, сказала же ...

ПЕТР. Клара, грибы не суй, я не ем грибы! Это лешье мясо!

КЛАРА. Какая морока с вами сегодня, молотят чего-то неразумное ... Ты татарин, что ли? Они так про грибы говорят: лешье мясо. Какое лешье мясо? Ешьте давайте!

ВАНЯ. На халяву укус сладкий! А хотите, расскажу вам, как прокачать свой инстаграм?

КЛАРА. Ваня, ну, иди ты уже, навязался вот!

Клара и Ваня поставили тарелки, уходят. Семен кричит им вслед:

СЕМЕН. Я сказать хочу, что я ценю вас всех, родных и друзей тоже!

Складывает бумажку, прячет в карман. Молчание.

ТАНЯ. Да, а тост-то какой, папа?

СЕМЕН. Да как - какой? За мое здоровье, ура!

Все смеются. Встают, чокаются, гур-гур эдакий идет. Потом все снова садятся, едят, стучат вилками и тарелками. Снова пришли Клара и Иван, ставят что-то на стол.

КЛАРА. Слушайте, ну заберите их, а?

СВЕТЛАНА. Кого?

КЛАРА. Там артисты ваши на кухне у нас копытом бьют. Я их покормила списанкой вашей, а они в своих костюмах и в люрексе с перьями надоели уже. От них зараза идет. Выпускать их уже? Пусть споют, да по домам уже, нет?

Петр встал, отвел в сторону Клару за локоток, говорит тихо:

ПЕТР. Слушай, тётя, ты чей день рождения празднуешь тут? Ты почему тут главная, а? Что ты своё хайло показываешь? Когда надо, тогда и выпустим твоих артистов.

КЛАРА. Они не мои, а ваши. Они на кухне там трутся, в котлы заглядывают, руками в еду, платьями залезают в салаты ... Рукава широкие, а они на кухне. Вот придет директор ...

ВАНЯ (смеется). Жизнь, как в сказке – ни сосиски, ни колбаски!

ПЕТР. Так, Клара-Шмара, Клара-Ваня, Ваня-Клара, я сказал: заткнись уже, а?! Стопэ, ну? Тебе не наливали с утра, что ли? Не зли меня, мне уже трупы прятать негде ...

КЛАРА. А говорили – интеллигентское общество, култорные люди, а?

ПЕТР. Очень интеллигентское. Так врежем, что интеллигентно согнешься.

КЛАРА. Ну так бы и сказал, что вы интеллигентные. Я-то чё? Да я ничё. Ладно.

ИВАН. Всё, мы сдрили. Не ссы, лягуха, болото будет нашим. Пошли.

КЛАРА. Ты чего мелешь? Тут гости. Иди уже.

ИВАН. Да нормалды всё. Успокойченко. Все побежали, и я побежал. А хотите, расскажу вам, как прокачать свой инстаграм?

КЛАРА. С тобой ни своровать, ни покараулить. Иди, сказала. Взяла его на работу, а?

Ваня и Клара взяли с собой грязную посуду, ушли.

ГРИГОРИЙ. Правильно Толстой сказал: «Для лакея не может быть великого человека, потому что у лакея свое понятие о величии». Итак, я выступать - второй!

СЕМЕН. Кто второй - тому конь боевой! А кто третий - в позолоченной карете!

ГРИГОРИЙ. Дорогой Семен Прокопьевич! *(Молчит, вытирает пот со лба).*

СВЕТЛАНА. Да что же эта муха бомбовозина тут летает ... И откуда она? Садится на меня.

ПЕТР. Мухи редко ошибаются.

ГРИГОРИЙ. Душно тут, вентиляции нет. Совсем нет воздуха. Как в совке было ...

СЕМЕН. Да, да, нет! Воздуха не было у нас! И не знаю, чем дышали! *(Смеется).*

ИНЕССА. Гриша известный блогер. У него очень много подписчиков в Фейсбуке. Он всё время в конфронтации с властью. Если ему что-то не нравится, он тут же пишет в Фейсбук. И многие соглашаются. Потому что наша власть сегодня – это что-то с чем-то.

ГРИГОРИЙ. Ну да. Ну вот. Ода на юбилей друга. Читаю. Итак!

Читает, отбивая ритм ногой, покачиваясь, глядя в потолок на люминесцентные лампы.

« ... Спускалась ночь. Закат катился навзничь ... Мы за столом сидели. И сидела дочь ... И, ускорение ей придавшей! Сидела компания. Петь было всем невмочь ... »

СВЕТЛАНА. Чё-то не складно, нет?

ИНЕССА. Ну, тише! Там дальше про Семена, иносказательно ... Сейчас будет что-то с чем-то. Вери сори. Гришечка, там дальше давай, где про Семена ...

Вбегает тамада Игорь. Хватает микрофон и начинает безумно в него орать. Непонятно, зачем он кричит в микрофон, будто на площади. Микрофон еще время от времени фонит, гудит, зависает, и трудно разобрать, что там такое тамада орет.

ИГОРЬ. Итак, добрый вечерочек! Разрешите вас всех поприсутствовать, то есть, поприветствовать всех присутствующих! Мы начинаем нашу программу! Итак, с днем рождения, дорогой Прокопий Семенович!

СВЕТЛАНА. Семен Прокопьевич. А что орать? Тут и так всё слышно! Что он орет?

ИГОРЬ. Простите, у меня так записано. А без микрофона я не могу. Мне нужна сцена. Свобода. Воздух! Да и какая разница?!

ПЕТР *(смеется).* Один дерёт, другой дразнится. Такая разница, милок. Жги!

СВЕТЛАНА. Какой воздух? Он про что? Тут двадцать квадратов столовая!

ТАНЯ. Мама, чебуречная!

ИГОРЬ. Итак, поздравления, друзья, от компании праздников «Колокольчик голубой»!

СЕМЕН. А?

ИГОРЬ. И «Бэ» витамины! Так называется наша фирма-поздравлялка! Есть еще фирма кусалка, фирма-зазывалка, фирма обзывалка!

СЕМЕН. Что он говорит такое?

ИГОРЬ. Звучит музыка и начинается наш маленький, да удаленький, концерт-концертище, концерт – поздравление! Дорогой наш юбиляр-симукляр! Музыка!

Нажал кнопку на магнитофоне, который стоял сбоку на столе. В центр зала выскочили две девушки в костюмах: купальники, блестящие цилиндры. Они начинают дрыгаться под музыку. Всё пораженно смотрят на них.

Удивлены? Конечно! На что это похоже? Да – это демонстрация! И не просто демонстрация, а демонстрация самых лучших чувств гостей к вам! Как вы видите, все гости выстроились в форме подковы. Это не просто так!

СВЕТЛАНА. Где выстроились? Мы сидим. А?

ИГОРЬ. Тише! Такой сценарий! Итак, подкова приносит удачу. И не обязательно вешать её над дверью – достаточно иметь верных и преданных друзей! Вам сегодня 60 лет. Судьба наносила вам разные удары и вы справлялись. Сейчас я попрошу гостей организовать коридор. Вы пройдёте по коридору, и гости будут наносить вам лёгкие удары судьбы. Эти удары будут последними плохими ударами судьбы, а дальше вас ждёт всё только хорошее!

ИНЕССА. Нет, не дергайте нас, мы сидеть будем ...

ИГОРЬ. Ну, ладно: сидите и изображайте подкову и виртуально бейте именинника!

СВЕТЛАНА. Он уже больше Пети накатил, вроде ...

ПЕТР. Да пусть попляшут! Надо отпустить их, у них, как у всех артистов, трубы горят ...

ГРИГОРИЙ. Я хотел стихи ...

ИНЕССА. Гришечка, ну, после дочитаешь. Ты же видишь, что тут такое ...

ИГОРЬ. Ай, я и не заметил! Уй, кто у нас в жюри! Великая, знаменитая актриса Инесса Шапиро! Боже! Я не вас сто тысяч раз видел в спектаклях облдрамтеатра?! Вас! Целую ручки, мадам, целую ручки! Слона-то я и не приметил!

ИНЕССА. Я вас знаю? Вы же из ТЮЗа?

ИГОРЬ. Уже нет, уже нет, Инесса Сергеевна! Уже полгода как в свободном плавании! Я теперь только в фирме «Голубой колокольчик»!

ПЕТР *(хохочет)*. А чё? Погнали за разврат и пьянство?

ИГОРЬ. Ушел сам! Я не соответствовал в программе жизни театра юного глядача, как говорят на Украине! Но не будем о грустном! Девочки, ну-ка, ушли быстро переодеться!
Девушки убежали на кухню.

Итак, мы начинаем, несмотря ни на какие катаклизмы природы, ни на что, нас ничто не остановит, мы всегда впереди, мы на коне, мы кричим ура, нам всегда хорошо ...

ПЕТР *(смеется)*. Ничего у него фонтанчик, а?

ИГОРЬ. Итак, мы тут под ваши аплодисменты и перед вами сейчас выступит группа «Фристайл»! Знаменитый турецкий танец живота, животом, с животом! Юмор! Хлопаем!

Игорь врубил на магнитофоне другой трек, кинул в воздух блестки. В центр зала опять выскочили те же две девицы, еще более заголённые и принялись дергаться, изображая что-то восточное.

Светлана встала, выключила магнитофон. Девицы остановились, улыбаются.

СВЕТЛАНА. Ититская богомышь! Это чё такое? Мы такого не заказывали. Это чё, Петя? Разврат какой. Давайте песни или еще чего. Не надо. Идите, идите.

Начинает выталкивать девушек и тамаду на кухню.

Клара и Ваня стоят в дверях, концерт смотрят. Семен хохочет.

СЕМЕН. Да оставь, оставь! Хорошо же! Смотри, какой он шkodный, клоун, блин!

ИНЕССА *(хохочет)*. Какая прелесть! Вери сори! Я такой пошлой самоделки не видела! Хорошо, он меня узнал и ему будет перед профессионалами стыдно, ну, вы понимаете, да?

ПЕТР *(хохочет)*. Я требую продолжения банкета! Девки, назад, сюда, пляши дальше давай!

СВЕТЛАНА. Нет, ну это чё такое?

ТАНЯ. Мама, сядь, не позорься!

ПЕТР. Назад, девки, за всё заплочено, пляши дальше, жги, царевны! Лебедем, лебедем!

Включает магнитофон, девушки танцуют дальше. Все сидят, молчат. Эффектно выкинув руки вверх и притопнув, артистки убежали на кухню. Светлана сидит, прикрыв рот ладошкой.

СВЕТЛАНА. Нет, ну это чё такое? Порнография какая-то. Не надо нам такого, Петя! Это весь концерт так будет, нет?

ИГОРЬ. Что вы, нет! Это только начало конца! Еще будет круче, весело же!

ПЕТР. Куда веселее!

Тамада зачёсывает пятерней грязные волосы, хватая микрофон и радостно кричит:

ИГОРЬ. Неугомонные, неумные вы наши! Продолжаем наше! Итак, день рождения!

ПЕТР *(хохочет)*. Да что ты, правда?

ИГОРЬ. Да! Я бы даже сказал – юбилей! И потому! «Желаю, чтобы каждый день! Ты был прекрасен, как олень! Но только без своих рогов! Рога пусть будут у врагов!»

ГРИГОРИЙ. Господи ... Да это что такое?!

ИГОРЬ. «А у тебя пусть будет сила! ...»

ПЕТР *(хохочет)*. У нас была только тогда сила, когда нас мамка на руках срать носила!

ИНЕССА *(хохочет)*. Да помолчите все, послушайте, что он такое бредит!

ИГОРЬ. « ... А у тебя пусть будет сила! И зубы, как у крокодила! Из крокодила дипломат! Где деньги пачками лежат!»

ПЕТР *(хохочет)*. Тамада, а когда наступит твоя творческая импотенция, баловник?!

ТАНЯ. Хватит тебе пить!

ИГОРЬ. «Желаю, чтобы на рыбалке! Тебе ловились лишь русалки!»

ПЕТР *(хохочет)*. Тут больше рифма подходит – «кинуть палки», да, Григорий Петрович?

ИГОРЬ. «Чтоб ровно плавал поплавок! А жизнь текла, как сладкий сок!»

СЕМЕН. Русалки – хорошо! Я вот помню, мы с Сергеем Петровичем из отдела развития - на рыбалку и заехали в сауну ...

СВЕТЛАНА. Вы наедаетесь, а?

СЕМЕН. Потом расскажу. Слушай концерт, Света! Ну, что ты мешаешь?

ИГОРЬ. Так вот, друзья, концерт едет дальше! А сейчас у нас – фокусы!

СВЕТЛАНА. Да уже не надо фокусов, уже были!

ПЕТР *(хохочет)*. Вдруг, откуда ни возьмись, появился зашибись!

ИГОРЬ. Нет, будут фокусы! Внимание!

Игорь снова нажимает кнопку на магнитофоне, снова музыка и снова те две девицы, переодетые во фраки и в цилиндры, начинают показывать фокусы с картами. Ходят вокруг стола. Предлагают сдвинуть колоду, подкидывают карты вверх.

ПЕТР *(хохочет, сдвигает карты)*. Херак – часы «Маяк»! Что-то не ладится, да? Стопэ, ну?

ИГОРЬ. А надо подбодрить артистов! Ваши рукоплескания – наш хлеб! Спасибо, группа «Фристайл»! А теперь пауза, я прошу выпить и снова тост! Стихи! «Поздравляем уважительно! Как года идут стремительно! Жизнь «летела» содержательно! И сейчас всё замечательно!».

ГРИГОРИЙ. Это невыносимо, Инесса, ну?

ИГОРЬ. «Пусть по-прежнему всё множится! Всё хорошее приложится! Пусть здоровье будет крепкое! А проблемы очень редкие! Пусть твой жизненный багаж! Не меняет восприятие! Ты ещё всем фору дашь! И найдёшь себе занятия!».

ПЕТР *(хохочет)*. Не, ну пошла моча по трубам! Остановись, отец! Найди себе занятие!

ИГОРЬ. Лет прожито немало, но прожиты они с достоинством и пользой. Самое главное богатство, семья - у тебя есть. Остается пожелать стабильности, крепких нервов и поменьше усталости. И пусть, конечно же, здоровье не обойдет тебя своим вниманием!

ПЕТР. Поэтов развелось, как собак не резанных! Плюнуть нельзя – в поэта попадешь!

ИГОРЬ *(кричит)*. У меня не всё! «Вам сегодня 60 лет! А на печаль и грусть – запрет! Чтоб

о прошлом не жалеть! А душою молодеть!».

Петр хватает Игоря, пытается вытолкать его на кухню, тот отбивается, продолжает орать:

«Развлекаться, отдыхать! О светлом будущем мечтать!».

ПЕТР. Уйди! Стопэ, ну?

ИГОРЬ. Не, ну, как хотите. Я поставлю себя на паузу. Но вот сейчас обидно было. У меня еще игры есть. Скажем, во сколько часов и минут родился юбиляр, каким был рост юбиляра при рождении, вес юбиляра при рождении, сколько весит юбиляр сейчас ...

СЕМЕН. Петя, ты где его надыбал?!

ИГОРЬ. И еще: сколько лет юбиляр уже является дедом, имя лучшего друга юбиляра в детстве... Есть еще игра в фанты и игра: «А что у меня в штанишках?».

ПЕТР. Я сейчас то, что у тебя в штанишках – оторву!

Петр всё-таки вытолкнул Игоря, сел на место.

СЕМЕН. Артисты, понимаешь. Не, он не испортил. Он же не со зла, а от души. Да пусть балаболит. Я тоже! Я сегодня именинник и я сегодня хочу сказать!

ИНЕССА. Да вы уже говорили, Семен Прокопьевич! Это уже третий раз начинаете!

СВЕТЛАНА. Вы ешьте, сказала вам!

ГРИГОРИЙ. Позвольте, всё-таки я продолжу ...

ПЕТР. Да не надо стихов! Стопэ!

ГРИГОРИЙ. Ладно. Я записал на бумаге стихи, они тут, я отдаю. Но я хочу поднять этот тост и сказать! Не стихами! В одной горной деревне жил человек.

СЕМЕН. О, хорошо! Ну, как я, скажем, это самое, да? Мужичошка такой, да?

ГРИГОРИЙ. Да! И он решил – пора помирать! И вот он сказал: кто хочет со мной попрощаться, пусть приходят. Приходили люди. Шли и шли, шли и шли. На следующий день они шли, и так продолжалось день за днём, неделю за неделей и месяц за месяцем ...

ПЕТР. Год за годом, столетие за столетием ...

ТАНЯ. Тише ты!

ГРИГОРИЙ. И вот! Люди приходили к нему и не давали ему умереть. К чему веду? Предлагаю выпить за друзей, которые каждый день, неделя за неделей, месяц за месяцем, год за годом окружают юбиляра заботой. За юбиляра и всех его гостей!

СВЕТЛАНА. Ой, какой вы молодец, Григорий Петрович ... Я прям заплакала ...

ПЕТР *(хохочет)*. Григорий Петрович, вы стажировку не у этого тамады проходили, нет?

ИНЕССА. И подарок от меня! В этой банке чистый воздух соснового бора недалеко от Питера. Мы, когда в Питере были на открытии выставки Комара и Меламеда, я там купила. И вот пригодилось. Дышите им утром по 5 минут и будете молодеть на глазах!

СВЕТЛАНА. А рыбка вкусная, да. Минтайчик жареный. А мне кокушки еще передайте.

ИНЕССА *(стучит вилкой по стакану)*. Вы знаете, я что хочу сказать: несколько дней назад был день рождения Солженицына. Вы понимаете, да? И вот мы в тесном кругу собрались, и я что хочу сказать: это было что-то с чем-то. Ну, он великий человек был, конечно, вери сори, если кто не согласен. Было несколько актеров из моего театра. Ну и вот.

СВЕТЛАНА. И что дальше?

ИНЕССА. Просто сообщила.

ПЕТР. А мне эти девки развратные понравились, пусть еще придут. Это я хорошо заказал.

ТАНЯ. Да помолчи, кобель.

СЕМЕН. Итак: мы в этом зале, где всё пропахло эсэсэсэром! Всё, как я люблю!

ИНЕССА. Не пропахло, а воняет, я бы даже сказала ... Эти плакаты, эти фильмы! Я обожаю Звягинцева, «Левиафан», Улицкую, Дудя, Навального и вообще всё, что против.

ПЕТР *(хохочет)*. А кто против? Никто не против!

СЕМЕН. Да, я ватник, я ватник бессмертного полка!

СВЕТЛАНА. Ой, как все уже напились! Уже всё в кучу!

ПЕТР. Чего?

СЕМЕН. Того! Я советский человек. Я - бессмертный полк ...

ГРИГОРИЙ. Ты не заплачь снова только, а то скорую придется ...

ИНЕССА. Да скорую придется, вот смеху будет ... Вери сори.

СЕМЕН *(встал)*. Тихо, слушайте! Я вот помню, зима, понимаешь, а я еще пацан совсем был, и вот сестра старшая, это самое, пришла к нам с подружками. А мы жили так бедно, так сильно бедно! А уже ночь. Снег за окном. Зима ... И вот мама полезла в погреб и достала оттуда трехлитровую банку самогону и мы ее...

ГРИГОРИЙ. Дак ты в деревне родился? Ты не говорил?

СЕМЕН. Да! Скрывал до сегодня! А ты любого артиста возьми, любого академика, любого лауреата Ленинской премии – все из деревни, у всех было босоное детство мое, это самое. Понимаешь ... И вот мама достала самогонку и вот мы эту банку тогда ...

Рыдает, страшно рыдает. Плечи трясутся. Сел на стул. Молчат все. Семен выпил рюмку, ест.

СВЕТЛАНА. Правильно, поешь, что плакать-то? Ешь, Семен, закусывай, наедайся.

СЕМЕН. Сорок один – ем один. Понятно?!

ПЕТР. Какая-то дичь уральская. *(Поет)*. Одиножды один – приехал гражданин, одиножды два – приехала жена, одиножды три – в комнату вошли, одиножды четыре – свет потушили, одиножды пять – легли на кровать ...

ТАНЯ. Хватит! Ты сегодня успокоишься или нет?

Снова пришли Клара с Ваней, убирают посуду.

КЛАРА. Посуньтесь, уберу.

ПЕТР. Опять эта!

ИНЕССА. А это что там у вас за бандура в углу?

КЛАРА. Музыкальный автомат такой. Не трогайте. Сломаете еще.

ИВАН. Орлом поднебесным лечу над землей ... А хотите, расскажу вам, как прокачать свой инстаграм?

КЛАРА. Да помолчи ты, хуипутало! Что ты сегодня завёлся? Тут люди!

ИНЕССА. А нельзя это включить? Вери сори, но мне так хочется красивой музыки, а не этого ... Что-то бы такое из репертуара Кристалинской, Ларисы Мондрус или хотя бы Ободзинского ... А еще мы с Гришей любим классическую музыку, мы все концерты ...

ПЕТР. Все фашисты и все мерзавцы всегда любили классическую музыку.

КЛАРА. Автомат работает. Дадите денег – я вам жетон дам. Он раньше от пять копеек работал, а теперь перестройка произошла – от жетона. Денег дадите – он вам споет.

ИНЕССА. Ну, за деньги и дурак споет. Из курочки сварит суп и дурочка.

ИВАН. Дурочка, а? Туды-сюды – курам воды, а?

ПЕТР (*роется в карманах, достает мелочь, смеется*). Нате вам, девушка, денег, дайте нам много жетонов, мы будем петь и смеяться, как дети ...

КЛАРА. Тут много, надо сдачу ...

ПЕТР. Да бери, без сдачи, бери, нищим не подаём!

СВЕТЛАНА. Ешьте много, наедайтесь. А где же Тёма? Хоть бы поел пришел ...

Клара взяла деньги. Стукнула ящиком кассы, высыпала кучу жетонов в руку Петру.
Тот пошел к автомату, кинул жетон, нажимает кнопки.

ГРИГОРИЙ. Да. Может, Визбор, или Шпаликов на худой конец, или Окуджава ...

ПЕТР. Визборг!

ИНЕССА. Да, да. «Живописцы окуните ваши кисти» - очень будет в тему ...

СЕМЕН. Я хочу договорить ... Мне весь вечер не дадут сказать!

СВЕТЛАНА. Да сто раз говорил, молчи, не надо, что вот сердце себе рвать, ну, Семен?

Петр включил автомат. Поет Кристалинская - «Ландыши». Все подпевают, Петр тянет Таню танцевать. Она отнекивается, потом танцует. Григорий с Инессой и Семен со Светланой танцуют, подпевают.

Давно уже пришли Тимофей и Брайен. Они с мороза в куртках. Стоят у дверей, смотрят. Тимофей смеется, Брайен молчит. Музыка кончилась, все увидели Тимофея и Брайена.

ТИМОФЕЙ. О, у вас жара идет. Привет, динозавры. Бро, проходи. Сорян, подвиньтесь, мы ляжем.

Все сели, смотрят на Тимофея и Брайена.

СЕМЕН. О, внучок любимый, иди сюда!

ТАНЯ. Ну, вот, пришел. Где шляешься? Садись, ешь ...

СВЕТЛАНА. Тёмочка, ходишь без шарфика и без шапочки, простынешь тут, еще помрешь, ну? Иди, иди, наедайся. Там ведь тепло в Англии, поди, а тут холодно.

ТИМОФЕЙ (*стоит у стола, пьет, руками ест капусту*). Хватит. Зашквар.

СВЕТЛАНА. Не хватит. Садись. И вы садитесь. Как его зовут? Брайенар? Браедар?

ПЕТР (*хохочет*). Двоедан его зовут. Знаешь, были такие люди – «Двоеданы». За двоих ели! Сидайтен, плиз. Сенькью вери матч. Брайен, Светлана Игоревна. Брай-ен его зовут! Вери сори, как говорит Инесса Сергеевна.

ТАНЯ. Ты его познакомишь со всеми?

ТИМОФЕЙ. Зачем? Пусть сидит и молчит. Он и так всё поймет. (*Тане*). Подвинься, я лягу.

ПЕТР (*хохочет*). Ты грубый, как мужчина.

СЕМЕН. Что он поймет? Не надо было тебе его сюда приводить ...

ТИМОФЕЙ. Проехали. Давайте, ешьте, празднуйте, мы тут с боку. Что? Поняли? Капито? Копирен? Что смотрите? Мы ляжем тут сбоку, нет?

СВЕТЛАНА. Куда ложиться собрался? Хватит тебе. Иностранец, чужой человек, а ты ...

ТИМОФЕЙ. Да насрать мне. Чего кукситесь? Го гулять.

Они с Брайеном сняли куртки, кинули на свободный столик, сели за стол.

ТАНЯ. Ты по-русски говори. Хоть бы поздравил деда.

ТИМОФЕЙ. А надо?

ТАНЯ. А надо. Как нет-то?

ТИМОФЕЙ. Ну, давай. Изи. *(Встал)*. Дедушка, дорогой. С юбилеем. У меня и подарок для тебя. Вы лежите? Сейчас упадете с кровати. Итак. Сообщаю: мы с Брайеном решили пожениться и зарегистрировать наш брак в Дании. Мы уже завтра едем туда. Думаю, тебя обрадует то, что твой внук нашел себя в жизни. Выпьем.

Выпил. Сел. Ест. Молчание.

ТАНЯ. Ну, хватит уже, не смешно.

СЕМЕН. Вот – новое поколение. Что передадим мы им?

ПЕТР. Началось в колхозе утро, побежали все полоть. Хватит. Стопэ! Что, как debil?

СЕМЕН. Им не нужны наши рекомендации, наш опыт ...

ТИМОФЕЙ. Ты прав, дедуля. Не нужны. Что? Я думал, вы обрадуетесь.

ТАНЯ. Да заткнись ты, сказала. Думаешь, смешно?

ТИМОФЕЙ. Тошнит от ванили. Думаю, смешно. Да, Брайен? Махни головой.

БРАЙЕН. Es.

СВЕТЛАНА. Инессочка, вы ешьте. И вы молодой человек, закусывайте и пейте. Главное – много пейте. И наедайтесь, а?

СЕМЕН. Нет, им не нужно наше всё то, что мы накопили, собрали, сложили, внесли, это самое и построили, понимаешь ...

ТИМОФЕЙ. Не нужно, это самое. Ты прав, понимаешь.

ТАНЯ. Вы не слушайте его, он мелет всякое. Врет. Не обращайтесь. Правильно мама говорит: ешьте больше. А ты - полегче. К приличным людям за стол. Ты оборзел? Полгода за границей пожил и – оборзел?

ТИМОФЕЙ. Правда? Приличные? И оборзел. Дед, повторяю, если ты глухой: подарок тебе я приготовил. Мы поженимся вот с этим чуханом и уедем в Данию. А ты дашь нам денег, дедочка милая, на это. Потому что я твой единственный наследник.

СВЕТЛАНА. Ну, вы будете есть и пить?

Все молчат. Пришли Иван и Клара. Встали у дверей, стоят.

КЛАРА. Горячее подоспело. Кому первому?

ИНЕССА. Да куда уж горячее. Вери сори, конечно. Может, эти концерт свой продолжают?

ТАНЯ. Ты спецом выбрал момент? Ты это всё не мог потом сообщить?

ТИМОФЕЙ. А я тебе как сообщу? В Фейсбуке в личку или эсэмэской? Мне денег надо. Я хочу уехать от вас в Данию. Вчера прилетел, сутки с вами и уже блевать хочется.

ТАНЯ. Папа, не слушай. Он придуривается. Ну, ему весело так. Не слушай.

ГРИГОРИЙ. Раньше пёсик кору жрал, а теперь моське и сливки жидки ...

СВЕТЛАНА. Брайен, вы ешьте. Эссен, эссен, жрайтен, едайтен, ням-ням давайте ...

БРАЙЕН. О, es!

ГРИГОРИЙ. Как ты: коммунизм – это молодость мира. И его возводить молодым ...

ИНЕССА. Мы всегда очень любили Театр на Таганке. Как в Москве – прям с вокзала. Легендарный театр. Там ведь и Золотухин, и Высоцкий были ... Это ведь что-то с чем-то.

ТАНЯ. Папа, он так шутит, ну? Троллит он тебя. Так у них это называется. Ему весело. Ты не помнишь, что ли, всех девок, которых он перетаскал и к нам в квартиру, и к тебе на

дачу? Он так шутит. Он с 12 лет таскает девок. Какая Дания? Замолчи, сказала тебе!

ТИМОФЕЙ. Я думал, вы будете смеяться. Я хотел вас расшевелить, чтобы вы не засыпали. А то мы заходим – а тут как в Мавзолее музыка.

СЕМЕН. Это значит, что: ля мур де труа, это самое?

ТИМОФЕЙ *(смеется)*. Да ты полиглот, дедушка. Нет. Ля мур де два.

КЛАРА. Убрать эти тарелки и бутылки?

ТАНЯ. Да пошла вон отсюда, идиотка! Ты что, не видишь, что тут происходит?

КЛАРА. А что происходит? Нормально.

ИВАН *(убирает тарелки, смеется)*. Колосится в поле рожь! Чечевика с викою! Подержи мой макинтош! Я пойду воды попою! Туды-сюды – курям воды, а?

СЕМЕН. Я знаю, что тут происходит. Вот что я вам всем сейчас скажу по-русски ...

ПЕТР. Семен Прокопьевич, тихо. Стопэ! Спокойно. До выстрела не надо падать.

ИВАН. А рассказать, как прокачать инстаграм? Это вам не шубу в трусы заворачивать.

ТИМОФЕЙ *(смеется)*. Расскажи деду, ему надо это!

СЕМЕН. Заткнись ты! *(Встал, салфетку в стену кинул, кричит)*. Ты понимаешь русскому языку или каковский ты понимаешь после Англии своей? Ты быдлярский только понимаешь? Говно ты, а не наследник. Я лучше завещаю всё в Фонд Мира, чем тебе.

ТИМОФЕЙ. Нет такого теперь.

СЕМЕН. Тогда в приют для животных завещаю! Я вам, оглоеды, ишачил всю жизнь, я тебе всю жизнь – деньги, я тебе – Англию, я тебе всё! Что ты мне тут лапшу на уши вешаешь, играешь из себя двухнастного? Ты специально привез этого с собой? Приехать уесть меня, да? Подлец ты с детства! Уронит игрушку, маленький был еще и плачет, и ждет, чтобы я поднял, а сам будто не может! Скотина выросла! Скотина неблагодарная выросла!

ТАНЯ. Папа, успокойся!

ГРИГОРИЙ. Мы пойдем другим путём, сказал Ленин. Мы пойдем.

СЕМЕН. Сидеть! За что вы ненавидите все меня, сволочи? Я за что такой несчастный? Я вам всё дал, всё! Я что, у Бога корову съел?

СВЕТЛАНА. Да не съел, успокойся!

СЕМЕН. Уйди, сука такая!

ТИМОФЕЙ. Ну ладно, ты чего завелся, дед? Успокойся. Я пошутил, да. Я думал, весело будет. У вас тут тягомотина, танцульки деревенские, я и решил ...

СЕМЕН. Ты решил? Ты что решать можешь? Ты что знаешь в жизни? Тебе портрет Сталина, портрет Ленина покажи – ты скажешь: «Кто это?». Ты что про жизнь знаешь вообще? Про мою жизнь, про ихнюю жизнь ...

ТИМОФЕЙ. Про ихнюю – не знаю.

СЕМЕН. Что ты меня подьедаешь, гаденыш? Сколько вас тут есть, все до единого – суки! Вы все, пирог ваш - гниль, гниль поганая! Сгнила изба под названием Россия! Сколько лет бревнышко к бревнышку приколачивали, досточку к досточке, узор к узору, окна строили, полати, печку, а вы пришли и все разбили! Все разрушили, уроды! Моченые медведи!

Рыдает, толкает стулья, кричит.

ТАНЯ. Да хватит, сядь! Какие медведи?

СЕМЕН (*кричит*). Этот пирог ваш жрать нельзя! Вы не на день рождения ко мне пришли, нет! Вы пришли заколотить по паре гвоздей в мой гроб деревянный, простой, из необструганных досок! Вы пришли, суки и думали, что будет у него гроб золотой, а мы придем и плюнем в него, так?! Так! А гроб вон какой у меня: советская чебуречная! Доски неотесанные из-за сарая достали, ящик мне сколотили и меня туда сунули: на тебе, пенсионер советский, на, заberi все свои награды, заberi и сдохни! Вы хоронить меня пришли, конским навозом меня намазать пришли в эту забегаловку ...

ТАНЯ (*вскочила, удерживает отца*). Ты сам выбрал эту чебуречную! Мы хотели в хорошем ресторане тебе юбилей сделать! Сядь, успокойся!

СВЕТЛАНА. Семен, сядь, хватит, ешь ...

СЕМЕН. Я вам сейчас всё скажу про себя. Хотя вы знаете. Ну дак вдобавок будет: да, я советский человек. Да. И я гнилой насквозь. Как и вы – такой же. Всё так! Но только – не так! Не это главное, слышите?! Вы, суки, что вы знаете про мое горячее сердце?!

ГРИГОРИЙ. Ты что-то уже запутался. Сядь! Что ты как на допросе в КГБ?

СЕМЕН. Заткнись! Я гнилой – да. Я гнилой насквозь. И прошлое мое советское гнилое. А теперь скажу правду про вас. Вот ты, женушка любимая, Светлана Игоревна, курица. Знай: я ненавидел тебя всю жизнь. Тебе нравилось быть женой богатого да? Нравилось за границу, бриллиантики, пожрать от пуза, да еще посмотреть сверху на своих товарок: вот я какая, видали? Вот все, что тебе было нужно. И я это понял в первый год жизни с тобой. А продолжал мучиться и жил с тобой. И ты, Игоревна, знай: ты мне нужна была только как повариха, дура! Никогда я не любил тебя.

КЛАРА. Я тут повариха. Наша повариха в запое. У нас драться нельзя. Посуду не бейте.

СВЕТЛАНА. Семен! Мы ведь вчера скамейку нашей юности, нашей верности, открыли на Плотинке? Скамейка, ну? Мы же любили друг друга, ты забыл? Ешьте давай все, ну?!

СЕМЕН. Нельзя забыть того, чего не было. Ты – инфузория-туфелька! Так знай же: у меня баб было – немеряно, я тебе изменял, у меня двое детей взрослых от других баб, и я их содержу до сих пор, деньги им плачу! А вы не знали, что ли?

ПЕТР. Ну ты дал, Дон Жуан ты наш ... Да знали. Только зачем вслух?

СЕМЕН. А, вслух нельзя, да?! А у тебя их сколько, баб твоих, расскажи Тане, ну?

ИВАН. А хотите, я расскажу вам, как прокачать инстаграм?

Клара ушла, а Иван стоит, смотрит и слушает.

Вбежал тамада, стал кричать:

ИГОРЬ. Анекдот! Раз вы все тут – советские, вот – в тему: анекдот! Ельцин выступает на трибуне, тут прибегает из зала мужичок и кричит: «Позвольте, я вас перебыю!». Ельцин говорит: «Конечно!». Мужик достает автомат и делает так: «Та-та-та-та-та-та!». (*Хохочет*). И мне хочется, так сказать, этим анекдотом вас перебить и начать новое выступление!

СЕМЕН. Уйди отсюда, тварь!

ИГОРЬ. А что такое? У нас концерт ...

СЕМЕН. Молчать! Едем дальше. А что ты сжался, сидишь, Гришечка мой любимый, а? Тоже сидишь, это самое, пряников ждешь?

ГРИГОРИЙ. Да не надо со мной. Успокойся, успокойтесь, я уже, я совсем, мы сейчас уйдем, написал «Рябиновые зори» и принёс ...

СЕМЕН. Я и тебе всё скажу! Ах, вы из породы шестидесятников, алкаши херовы! Друг, ага? С такими друзьями и врагов не надо. Сколько я денег вгροхал на тебя? Да, блин, ну, кому, кому это говно надобно? Вся полоротина твоя гнилая в этих книжках засаленных,

сырая, сраная, вздохи и привсхлипывания по свободе, по маминой с папой оттепели!

ИВАН. Раз-два-три, сопли подотри!

СЕМЕН. Молчать! Сколько я спасал тебя, вытаскивал из трезвака, а?! От дурак я, а?! Но мне надо было собаку, за этим и держал! Чтобы ты мне туфли лизал, как в Америке неграм ноги лижут! А кому не понравится: перед тобой на коленях, засос делают с оттяжкой! А ты, коза, артистка погорелого театра? Кто тебе звание сделал? Сколько я по коридорам ходил в министерствах, сколько коньяка сукам в наградном отделе выпоил – ты не знаешь?

ИНЕССА. Неправда. Я получила за талант и служение ... И вообще – вери сори. Знаете, я не намерена тут оставаться и выслушивать, вы поняли, да? Нет, это что-то с чем-то.

ГРИГОРИЙ. Да! Уходим. Уходим по одному и с вещами.

СЕМЕН. Нет. Сядь! Вот я дурак: ждал всю жизнь благодарности от вас. А вы ненавидели меня всю жизнь. Ну знайте: взаимно. Как в песне: «И надеюсь, что это взаимно!». Будьте прокляты, дорогие друзья Инессочка и Гришечка. Никто теперь мне чемодан не донесет до машины, как поеду в отпуск. Обычно Гриша это делал, ну, дак что ж: других негров найду. Деньги всё делают.

ИГОРЬ. Позвольте всё-таки вас перебить ... Я хочу всё ж таки вторгнуться в вашу беседу, в ваш так сказать разговор, потому что как вы помните, нам песня строить и жить помогает и без песни никуда! Итак, я спою песню вашей молодости! А наши акробаты покажут своё искусство! Девочки!

Тамада включает магнитофон и поет «Темную ночь», а девушки в гимнастерках и в пилотках изображают живую песню, что-то такое военное, маршируют.

Семен прошел к магнитофону и выключил его, сказал Игорю:

СЕМЕН. Козел ты саблезубый. Сдриснул отсюда, ну?! Вместе со своими, ну?

ИГОРЬ. Я на работе!

СЕМЕН. Ну?!

Тамада и девушки убежали, чуть Клару не сбили. Она снова идет с подносом, тащит торт со свечами.

КЛАРА. Да блин, что они тут разбегались сегодня?! Снесут мне всю еду!

СЕМЕН. Что тебе, шалава?

КЛАРА. Дак свечи задуйте!

Семен бьет по подносу, торт летит на пол. Клара и Иван стоят, молчат.

СЕМЕН. Продолжаем наши педерачи! Очередь дошла до тебя, дрянь ты неблагодарная.

ТАНЯ. Да что ты всё про благодарность? Руки-ноги целовать? Мы благодарны. И что?

СЕМЕН. Уважать хоть немножко, а не руки-ноги. Дрянь ты, а? (*Петру*). А ты? Думал, тебя минует чаша сия? Нет, не минует. Я завещание наизусть помню. Ты ведь надеешься оторвать чего-то? А там шиш тебе. В завещании сказано, что ты никто и звать тебя никак и я сотру в порошок завещанием твою жизнь.

ПЕТР. Не надо усугублять. Понесло Остапа. Что вы своим завещанием мне в нос тычете?

СЕМЕН. Не надо усугублять, ага! И говорить с говном, бабским подкаблучником, не хочу. А теперь – главный прыщ, гнойник, зараза ... Внучок. Единственный. Родной. Придумал: захотел с этим чуркой поджениться, да? Нет. Ему надо унижить и показать, что моя жизнь подтирка. Надо растоптать. Я дал ему всё, и что? Просто так. Растереть и всё.

Молчание.

Я всё сказал. За что вы меня ненавидите?! Ведь я делал вам только доброе, я любил вас, я делал вам жизнь спокойную, сытную, а что взамен?! Почему ненавидите меня?

ТИМОФЕЙ. Отвечу. Поскольку я в этом слоеном пироге корочка сладкая, сахаром посыпанная, я вишенка в тортике, то я скажу, но не тебе, а вам всем. Это я вас ненавижу. Я вижу всех насквозь и презираю. Коммянука, шестидесятник, перестройка, девяностые, и что? Я всех все поколения ваши ненавижу. И презираю. Лучше на улице жить, чем в ваших хоромах и в вашей лжи.

ПЕТР. Я вот ремень достану. Мало я тебя лупил.

ТИМОФЕЙ. Ты ремень, а я пистолет. Брайен, пистолет. Give me the gun. You understand me, don't you? I want to shoot them all now.

БРАЙЕН. What weapon? What are you talking about?

ТИМОФЕЙ. Брайен достанет пистолет. Хочешь, деда? Уложу в пирог приглашенных, ну?!

ТАНЯ. Тимофей, ну всё, сядьте, ну хватит ругаться ...

ИНЕССА. Мы пойдем, тут у вас свои разборки, и зачем согласились, Гриша

СЕМЕН. Ты думаешь, я боюсь тебя? Вырос, недокормыш! Кто боится?

ТИМОФЕЙ. Сидеть! Брайен, доставай оружие, сука, сука, стреляй, убивай их! Sit down! Брайен, get your guns out, you fucking bitch, you faggot, shoot them, kill them! Ты, чмо английское, понимаешь русскую речь, соображаешь по-русскому, козлина?!

Орет, кидает посуду, стулья, садится за стол, рыдает.

Все смотрят на него.

Молчат.

Темнота

Занавес

Конец первого действия

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Прошел час. Все там же. Всё так же.

За столом сидят Семен, Тania, Григорий. Игорь стоит у зеркала, волосы поправляет. Клара стучит кастрюлями на кухне. В туалете Инесса и Светлана включили кран с водой и о чем-то негромко переговариваются. Петр, Тимофей и Брайен курят на улице, слышны их голоса.

СЕМЕН. Они там не подерутся на улице?

ГРИГОРИЙ. Да пусть бы и подрались. Веселее было бы.

СЕМЕН. А ведь земля, это самое – плоская. Мы идем, идем, а потом – раз! – и свалимся.

ГРИГОРИЙ. Ну, всё, хорош! Начинается трагикомедия в провинциальном театре. Не извиняйся. Бывает со всяким. Мы же знаем всё про тебя ...

СЕМЕН. Что вы знаете?

ГРИГОРИЙ. Что ты нас любишь. А это так – попылил, да и всё.

СЕМЕН. Ну да. Все помрем, это самое, к чему суeta эта – не знаю. Попылил, да.

Молчание.

ИГОРЬ. Девочки засиделись, заплесневели. Может, продолжим концерт?

СЕМЕН. Сядь. Выпей лучше. День рождения всё-таки. И тебе можно. Человек же ты, не клоун?

ИГОРЬ. Не клоун, нет.

СЕМЕН. Ну вот. И Гапка – бабка, и Хаим – человек, и жопа – мясо. Стихи, слышишь,

Гриша? Ой, не могу, болит всё, ёк-макарёк, попа-карамелька ...

ИГОРЬ. Меня не надо два раза приглашать. Я сел. И я налью. И я выпью. У нас программа не вся. Девочки ждут. Мы можем еще. Я по закону. Всё честно. Деньги получаю за работу.

СЕМЕН. Дак дали тебе денег? Выпьешь вот, ну и иди, это самое.

ИГОРЬ (*выпил, ест*). А что, со мной можно вот так – через губу? Можно вот так говорить, да? Нет, я понимаю: я же никто, я же мразь, со мной можно, правильно? Спившийся артист из ТЮЗа, хера ли меня не бить?

СЕМЕН. Никто тебя не бьет, не залупайся. Еще один начал, это самое, права качать. Понравилось, как я их, да?

ИГОРЬ. Словами можно бить! Вот вы! Кругом ненависть! Налейте мне! Еще налейте!

СЕМЕН. Херовый ты артист. Не получается. Не верю. Кончай балду гонять. Плоховастенько мне что-то, Таня, а? Хоть бы не помереть. А смерть вот так приходит, да?

ТАНЯ. Таблетки найду. Ты болеешь, наверное, папа. Плохое настроение у стариков всегда только от болезней. Ну, поговори чего-нибудь, оно и выйдет. Обида твоя выйдет, ну?

СЕМЕН. Я не старик. Хватит это самое ...

ТАНЯ. Ну, хорошо, всё.

Молчание.

СЕМЕН. Нашла старика, это самое. (*Молчит*). Вот, у нас была встреча одноклассников. Один хвастает – одно, другой – еще, третий – своё. А одна девочка, ну, бабушка теперь - говорит: «Я такая-то. После школы вышла замуж». Помолчала и, это самое, села. Сказала: «Всё». И все стали хлопать в ладоши. Мол, у нас тут - призы, награды, и что? Какая разница? Она просто вышла замуж. Жила, это самое, берегла мужа, детей воспитывала, не работала, в кино не снималась, в космос не слетала, дальше деревни своей не ездила и что? Чем плоха?

ГРИГОРИЙ. «Вышла замуж». Точка. Да. Прекрасно. Точка не в жизни, а просто значит это, что событий больших не было, как у всех. Но это вовсе ничего не значит. Потому что это и есть событие. Это тема для стихотворения, собственно ... У меня всё.

СЕМЕН. Не лезла, не бежала, не хотела нашего, глупого. Так хорошо. Я тоже так бы хотел. Суета суёт потому что всё и всё пустое. Да. Вот я всё чего-то всю жизнь мельтешил. А к концу жизни один остался, как челюскинцы на льдине, это самое.

ТАНЯ. Пожалей себя, пожалей.

СЕМЕН. На деле я вас всех люблю, конечно же. Я уже говорил?

ТАНЯ. Мы знаем. Говорил.

СЕМЕН. Простите меня, дурака. Да где все-то, куда ушли, это самое? Не дерутся там?

ТАНЯ. Мама в туалете с тетей Инной. Петя с парнями курят. Пусть на морозе постоят, остынут и придут. Петя отец ведь ему. Вот пусть он ему всё скажет. Он хоть отца боится. Хуже будет, если я пойду и начну чего-то вкаты. И вот зачем ты всё это придумал, весь этот юбилей тут, в этой долбаной чебуречной?

Григорий встал, подошел к музыкальному автомату, смотрит на него.

Если вы музыку хотите, Григорий Петрович, то жетоны лежат на столе. Петя оставил, берите любой. Папа, тебе таблетки какие-то дать, нет? Я нашла.

СЕМЕН. Отвали со своей химией. Иди на улицу, посмотри, что они там? Может, дерутся?

ТАНЯ. Не дерутся, сказала же. Я же слышу. Снег на улице, летит и сразу тает. Не зима, а какая-то сраная осень. Ладно. Схожу к ним поговорить. Сидите. Слушайте музыку свою.

ГРИГОРИЙ. Ребенка воспитывать надо, когда он лежит поперек кровати, а не повдоль.

СЕМЕН. Чего? Опять ты ...

Таня встала, прошла к зеркалу у гардероба, остановилась, пригладила волосы, разгладила кончиками пальцев мешки под глазами, сняла шубу с вешалки, накинула на плечи, ушла по ступенькам вверх из подвала.

Григорий берет со стола жетон, вертит в руках, пробует зачем-то на зуб, толкает в щель автомата, звучит музыка. Какой-то старый вальс. Все молчат.

ГРИГОРИЙ. Ужасно. Нафестивалились, знаете ли. Ужасно вспоминать. Какая ужасная у нас у всех жизнь.

СЕМЕН. Теперь не властью, а жизнью своей недоволен?

ГРИГОРИЙ. Я жалуюсь, что плохо мне, что хорошего не было и что счастья не видал. А оглянусь – нет, собака, видел я счастье. Давно. Помнишь, два года назад ты меня снарядил в Крым? Мол, отдохнешь и поработаешь на стройке моей дачи заодно. Я там дорожку камнем выкладывал ...

СЕМЕН. Я тебе заплатил за это. Хоть какую-то работу дал. Не жалуйся. Третий год строим дачу, провалилась бы она, зачем она мне нужна? Не жалуйся! Я всех обидел, я во всем виноват, я плохой, вы все хорошие, это самое, понимаешь!

ГРИГОРИЙ. Да хватит. Я про другое. Помню, сидел в Крыму месяц. Дорожку выложил. Красивая получилась. И вот сидел, смотрел на нее, любовался. Сидел на крылечке. И там вдруг, на югах, выпал снег. Вдруг холодно стало. А солнце. Снег падал и оседал, напал сугробами вокруг дома, лежал во дворе. Грязный такой снег, таял быстро. А море рядом, шумит и всё иголками у берега сделалось, иголки, знаешь, ледяные такие, острые ... Я пошел по берегу: иголки эти, и волны шумят. И вот снег стал уходить, оседать и исчезать в море, поплыл туда ручейками и не стало его. А я всё сидел на крылечке, и с крыши капала вода. Я ладони вот так протянул и ловил капельки, плакал от счастья, плакал, что так счастлив. Счастье. Да. Один раз я словил тебя за хвост, счастье. Один раз в жизни осознал: я счастлив. И захотел тогда сказать: «Остановись, мгновение, ты прекрасно ...».

СЕМЕН. А знаешь, как я был несчастлив?

ГРИГОРИЙ. Я про своё, а ты ...

СЕМЕН. А я про своё. Я помню, иду в нашей деревне из школы по грязи, по дороге в лесу иду, там по березовому околку шла к дому дорога, и вот - солнце садится, дождь прошел, а мне навстречу бежит Мишка соседский, дружок мой и кричит, говорит: «Радуйся! Давай, радуйся!». Почему он так говорил – не знаю. Я ему говорю: «Да что, что случилось?». А он мне: «Гагарин умер!». И вот мы сели с ним у березки там, в лесу, я положил портфель под зад, и мы с ним так плакали, так долго и так сильно плакали ...

ГРИГОРИЙ. Я тоже плакал тогда.

СЕМЕН. Ага, плакал ты. Помолчи ты.

ГРИГОРИЙ. Плакал. Хватит меня за бесчувственного дурака держать. Я плакал. Я так сильно плакал! Я так плакал! Как никогда я плакал!

Рыдает.

ИГОРЬ. Я тоже умею рыдать.

СЕМЕН. И что?

ИГОРЬ. У меня не настоящее, а актерское рыдание. Техническое. Механическое. Вот такое. Вот покажу сейчас.

Рыдает.

Это я не по-настоящему. Вы не верьте мне. У меня всё прекрасно. Жизнь всё лучше. Мы стали все гораздо лучше жить.

Рыдает.

СЕМЕН. Нет, друг. Ты врешь, что ты врешь.

ИГОРЬ. Вру! Не вру, что вру! Не трогайте меня! Я руководитель бригады! Мне нельзя плакать! У меня коллектив от фирмы «Колокольчик голубой»! У меня дома ребенок маленький ... Мне нельзя ...

СЕМЕН. Тише. Хватит. Или поплачьте, правда.

Молчание.

А еще я, это самое, любил сидеть на крыше дома нашего в деревне. В детстве. И смотреть на степь. У нас в деревне степь была. И я видел там что-то ... Так много тогда видел. И что? Ничего. Заканчивается наше всё как-то позорно. Почему так позорно заканчивается? Мы старались, строили, хотели, чтобы всё было красиво, а всё вокруг развалилось в труху.

ГРИГОРИЙ. Колосс был на глиняных ногах. Империи всегда разрушаются.

СЕМЕН. Да помолчи ты со своими империями! Всё меряешь километрами, а под камешек не заглянешь. А там тоже росточек, семечко проклюнулось. А вам, недовольным – не видно этого. Мы верили в мечту. Мы думали: всё станет другим. А всё стало вокруг, понимаешь, голубым и зеленым. Точнее – больше голубым.

ГРИГОРИЙ. Да он пошутил, Тимофей твой, хватит тебе. Глупая была такая шутка. Что ты к нему привязался? Он дурачок просто. И чучело это английское глупое. Пошутил.

СЕМЕН. А что ж шутки-то такие дурные у них? Вот я бы так с дедом, с отцом пошутил, а? Вот у тебя кто родители были? Профессора, преподаватели? А я чучело был, приехал из деревни, а ты городской, так? А мои кто? Не дворяне, а работяжки. Мне был путь один – в тюрьму. А вот я вылез, это самое, видишь? Институт, человеком стал ...

ГРИГОРИЙ. В партию пролез, вот и стал.

СЕМЕН. А ты что не полез?

ГРИГОРИЙ. Я свободный человек. Я всем доволен. Я просто из чувства противоречия. Нельзя успокаиваться. Я всё сказал.

Пришли Клара и Иван. Ставят на стол тарелки, убирают посуду.

КЛАРА. Доедайте. Всё равно выкидывать. Разорались тут, ужас. До драки дошло.

ИВАН. Я вам вот что скажу, товарищи, чтобы вы не беспокоились. Монголы – это до лета. В 1236 году так на каждой площади говорили в России. Монголы только – до лета.

СЕМЕН. Опять ты? Да замолчи уже.

ИВАН. Всё ненадолго, так нам кажется, да? А всё – навсегда. А вы не читали книгу «Фройкин и дети»?

КЛАРА. Да помолчи ты, сказали ведь тебе, всё не в тему.

СЕМЕН. Сюда иди. Ваня тебя зовут, нет?

ВАНЯ. Тиха украинская ночь, но сало надо перепрятать.

СЕМЕН. Клара, сядь. И ты, Иван. Садитесь рядом. Советские же люди, нет?

КЛАРА. Нам нельзя с клиентами. Мы же обслуга.

СЕМЕН. Сегодня можно. У меня день рождения. Садитесь, ну?

КЛАРА. Ну ладно, раз так. Раз приглашаете.

Клара и Ваня сели за стол.

ИВАН. Были сиськи, стали груди. Оттянули злые люди.

ГРИГОРИЙ. Русский народ так вот шутит. Помолчи, Ваня, а?

Пришли Светлана и Инесса.

ИНЕССА. Сколько народу на перроне.

ГРИГОРИЙ. Слова из пьесы «Энергичные люди», где ты играешь. И очень плохо.

ИНЕССА. Спасибо, Гриша, за правду. Наконец-то. Я знаю. Но вот - наигралась. Хватит.

ГРИГОРИЙ. Пришли обе чернее тучи. У вас там что – совет в Филях был в туалете?

ИНЕССА. У нас там было Заседание государственной думы с принятием законов жизни и смерти. Совещание на тему: как взорвать нейтронную бомбу. Чтобы всех поубивать, а дома и деревья оставить целыми.

ГРИГОРИЙ. Правильно Семен Прокопьевич тебе всё сказал. Хватит выступать.

СВЕТЛАНА. Теперь я выступать буду, а не Инесса Сергеевна.

ГРИГОРИЙ. Вы же в туалете выступали? Ну, и идите выступайте дальше обе. Да, Семен Прокопьевич?

СВЕТЛАНА. Я сказала: я одна выступаю, и я выступать буду тут и сейчас.

ИНЕССА. Давай, Светочка, выступай, не бойся этих козлов.

ГРИГОРИЙ. А? Светлана Игоревна, как выступать-то? Тут ведь нету фойе, мягких кресел, как в театре, где вы были один раз в жизни.

ИНЕССА. Слава Богу – нету. Света! Давай, с Богом, начинай!

Крестятся.

Вот так надо креститься. Понимаете? Да, Света?

СВЕТЛАНА. Да, Инессочка, да. Спасибо, научила. Я теперь мух не гоняю, как некоторые.

ИВАН. Даст Бог зайку, даст и лужайку.

КЛАРА. Да помолчи, сказали тебе!

ИВАН. Я сижу, слушаю всех, уши грею.

СВЕТЛАНА. Да. Инесса меня отговаривала, но я решила сказать. Итак. Прощайте. Мы поговорили с Инессой, и я решила: уезжаю я. Пропадаю я. И потому – уезжаю я.

СЕМЕН. Тоже решила поскандалить? Моё – заразно?

СВЕТЛАНА. Я решила поскандалить, да. Твоё заразно. Уезжаю. Уезжаю от вас от всех. Напелась? Накормила я вас? Я ведь повариха и курица. Инфузория туфелька я, да?

СЕМЕН. Да хватит.

СВЕТЛАНА. Ну вот. На самолете улетаю. Я в самолет всегда захожу с левой ноги. И когда показывают в самолете, как вести себя в трудной ситуации – не смотрю. Боюсь.

СЕМЕН. Какая ты дура, а? Ты к чему это?

СВЕТЛАНА. К тому это. Это только курица гребёт от себя, а человек всегда гребёт к себе.

СЕМЕН. И что дальше?

СВЕТЛАНА. С тех пор, как Кузя умер, это вот всё, эту жизнь нашу с тобой мне терпеть стало невозможно, потому что я - одна.

КЛАРА. А Кузя – любовник у вас был? Прямо как в кино ...

СВЕТЛАНА. Нет, Кузя мой сын!

КЛАРА. Ой, горе! У вас тут, гляжу, парни друг на друге женятся, а сыновья в любовниках? Хуже, чем в кино – ну да ...

СВЕТЛАНА. Нет, он был мне как сын. Почти. А точнее – он был мой кот, вот кто!

КЛАРА. Черте чё и сбоку бантик. Это что? А я уж плакать. Дак кто? Дак что?

СВЕТЛАНА. Я его любила сильнее жизни. Я знала точно: когда я уходила из дома, он превращался в человека. Обычно он сидел у порога, как кот, и ждал, когда я закрою дверь и уйду. Он слышал – он один! слышите?! – слышал мои шаги, слышал, как я уходила по лестнице. И вот тут Кузя превращался в человека. Он ходил по квартире в трусах, готовил еду себе, ел ее, потом ложился на диван и смотрел сериал и дремал. Он молчал, не говорил ни с кем. У него не было друга кота, с которым можно говорить про что угодно: тот всё равно никому не расскажет. Потом он слышал, что в замке поворачивается ключ - это я пришла. Он быстро прибежал к дверям, напяливал на себя свою шубу, которая валялась у порога, делал скучный вид и встречал меня, как ни в чем не бывало. Но я-то знала, и он знал, что я знала: как только я уходила из дома, он превращался в человека. А теперь его нет – он умер. Он на радуге.

СЕМЕН. У тебя крыша поехала? Ты никогда так много не говорила. Ты что, это самое? Таня, дай ей таблеток каких-то, а?

ГРИГОРИЙ. Немудрено – столько информации. Тут любой с ума сойдет. Вам бы стихи писать, Светочка, с таким-то воображением.

СВЕТЛАНА. Какая информация? Думаешь, я не знала ничего про его вторую семью? Всю жизнь я это знала. Но терпела. Думали, я не знала, что он меня ненавидит? Знала!

ГРИГОРИЙ. Называется: репетиция началась, и артисты заговорили нечеловеческими голосами.

ИНЕССА. Не трогай театр, Гриша, не буди зверя. Вери сори.

ГРИГОРИЙ. Чего?

СЕМЕН. Какой кот, Света? Ты про кого? Был у нас какой-то замызганный, под ногами ходил.

СВЕТЛАНА. Вот! Ты его не замечал даже. А сколько от него шерсти было, а?!

СЕМЕН. Дак он же человек был, говоришь, какая шерсть?

СВЕТЛАНА. Не человек, а кот! А мой настоящий любовник был, раз уж на то пошло, твой шофер Ваня! Понял, Семен?!

СЕМЕН. Он же тоже помер давно?

ИВАН. Он тоже как я Ваня был?

СВЕТЛАНА. А вот когда был жив – он был мой любовник!

СЕМЕН. Да что ты молотишь? Я бы знал, это самое ...

СВЕТЛАНА. Конечно, не на самом деле любовник. А в мыслях. Я его любила. А вот нового твоего молодого шофера – не люблю!

ГРИГОРИЙ. Все с ума сошли. Какой любовник?

СВЕТЛАНА. А такой! Страшнее изменять не наяву, а в мыслях! Так вот я тебе - изменяла! Тебе можно было, а мне нельзя? Да. У нас с ним была любовь. И это было страшно красиво.

ГРИГОРИЙ. Виртуальная любовь, что ли?

СВЕТЛАНА. Заткнитесь, Григорий Петрович, пожалуйста. Хайло ваше поэтическое закройте. Я всё своё сказала Семену Прокопьевичу, а теперь вам Инесса Сергеевна всё скажет. А потом ... А потом ... А потом я возьму с собой Тему, Таню и уеду от вас ...

СЕМЕН. Куда ты собралась, дура? В Америку? В Англию? На Луну?

СВЕТЛАНА. Нет. Я в Крым поеду жить в нашу недостроенную дачу! Вот! И возьмем мы с собой мальчика этого из Англии, да! Ему там лучше будет! Он хорошенький, он мне понравился! А тут ему – холодно, я же вижу!

ИНЕССА. И меня возьмешь, ты забыла? Я там буду руководить театром!

ГРИГОРИЙ. Каким на хер театром?! Крымско-татарским?

ИНЕССА. Да! Хоть бы и крымско-татарским! Хоть и татарско-крымским! Хоть и просто татарским, только без вас без всех! А что? Директор театра Инесса Шапиро! Звучит!

СЕМЕН. Ты куда собралась? У тебя деньги откуда?

СВЕТЛАНА. Оттуда! Думаешь, нет? Есть. Ты воровал, а я подворовывала. Есть!

Встала у стенки. Смотрит на плакат «Иван Бровкин на целине», гладит его, плачет и говорит:

Ванечка мой ... Он так похож был на артиста Харитонову, на Бровкина с целины ... Всю жизнь я одна. И зачем жила? Чтобы ждать папочку с работы, покормить его, и знать, что он мне врет? Терпеть, потому что видела, как мои подружки - с хлеба на воду. Дура, я ведь себе паспорт сделала на полтора года моложе ... Вот так мелко, частями! Чтобы он меня не выгнал, чтоб думал, что я его моложе! А я его старше на полтора года!

ИНЕССА. Света, ты не забыла? Ты ведь меня возьмешь с собой?

СВЕТЛАНА. Знаешь, что, Инесса? Оставайся лучше тут. Тебе и тут хорошо. Это у меня не жизнь, а мука, а тебе-то что? У тебя вон муж какой – либерал, всегда против, он - поэт, а ты сама артистка, в люрексе вон по сцене ходишь, я видела!

ИНЕССА. Да я ненавижу его. Он не мужик, а «Баба-Яга против», вот он кто! И люрекс, и стихи его, и всю эту жизнь невсамделишную ненавижу!

ГРИГОРИЙ. Инесса, какая Баба-Яга? Я не Баба-Яга! Свете позавидовала, что она играет? И ты хочешь? Не надо! Театр твой за углом, там играй, тут не играй, не надо!

ИНЕССА. И театр этот за углом ненавижу! Почему я, дура, пошла туда работать? Нет, не хочу доживать. Хочу жить. Гриша, я не люблю тебя. И никогда не любила.

ГРИГОРИЙ. Пьющая мать – горе семьи. Годы разгульной жизни свели тебя с ума, Инесса. У меня всё, спасибо.

ИНЕССА. И стихи твои барахло. И театр мой мерзость. И вообще ...

ГРИГОРИЙ. Она пьяная, вы видите? Она в состоянии Ивана Ивановича. Она на кочерге уже, вы понимаете? Не слушайте ее. Я уверен, что они там в туалете выпили сыворотку правды!

ИГОРЬ. Какая еще сыворотка правды? Есть такая, да? Мне надо ее для фокусов!

ГРИГОРИЙ. Есть такая! Не для фокусов! Какие тебе на хрен фокусы? Спросите Семена Прокопьевича, как бывшего кэбэшника! Они так диссидентов сывороткой правды пытали!

СЕМЕН. Я работал в эмвэдэ, дурак! Выдумал: сыворотка правды!

ИНЕССА. Помолчите! Я ведь всю жизнь своих сокурсников проклинала, говорила, писала им: «Вы же учились на актеров, как вы могли предать свою мечту?!». А они – их

было 25 человек на курсе! – ни один ни единого дня в театре не работали. Один – банкир, другой – слесарь, третий – проводник. У всех своя прекрасная, тихая, спокойная жизнь. И только я колготиться решила на сцене. Дура! Ругала их за то, что они не стерпели, ушли из театра. Вон, как этот тамада – это ведь что-то с чем-то: обслугой какой-то они все стали, вери сори.

ИГОРЬ. Меня не трогайте! Я счастлив! Я не обслуга! Тоси-боси какие-то лепите!

ИНЕССА. Чего?! Только теперь понимаю: нечего было мечтать о глупом и несбыточном, надо было стоять на земле ногами, а не в эмпиреях летать! Жизнь моя сломана. И теперь на старости лет – только массовка, только на заднем плане. И за ради чего? Не знаю.

ГРИГОРИЙ. Не натягивай сову на глобус, Инесса! Как пафосно. Что ты, из какой роли это? Инесса, остановись!

ИНЕССА. Я улетаю, сказала тебе?! *(Поет).* «Только в полетах живут самолеты! Только в полете растёт человек! Сердце стучится загнанной птицей! Перегоняя отпущенный век!». Вот так. Я вообще хотела быть Аллой Пугачевой. А вот всё из-за тебя – втянул меня: оппозиция, либералы! Да меня тошнит всю жизнь от твоих Шпаликовых и Солженицыных, пусть они все сдохнут!

ГРИГОРИЙ. Уже сдохли.

ИНЕССА. Пусть сдохнут еще раз! И еще три раза! И еще сорок восемь! Пусть в гробу тогда перевернутся! И все твои композиторы, которые писали классическую музыку, пусть перевернутся тоже в гробах! Ненавижу оперы и классическую музыку! Я лучше Пугачеву или Бьорк послушаю!

Пришли по ступенькам Тимофей, Петр и Брайен, они в куртках, замерзли.

БРАЙЕН. О, Bjork is great! *(Поет).* «I live by the ocean! And during the night! I dive into it! Down to the bottom! Underneath all currents! And drop my anchor! And this is where I'm staying! This is my home!».

ГРИГОРИЙ. Что он тут квакает? Пендос долбаный. Он, нажрался, что ли?

ИГОРЬ. Он не пендос. А англичанин!

ГРИГОРИЙ. Какая разница. Они все там суки.

ИНЕССА. О, как?! Ты же на них недавно еще молился, на эту Америку?

ГРИГОРИЙ. Передумал!

ПЕТР. Стопэ! Что тут за ор? На улице слышно. Не день рождения, а пиздельфанс какой-то.

ТАНЯ. Мама, хватит! И ты заткнись!

ПЕТР. Ты сама заткнись, крыса! Хватит мне уже терпеть!

ТАНЯ. Чего?! Петя, ты кто? Ты что?

СВЕТЛАНА. Петечка, Танечка, Тёмочка, Дэвид или как там тебя ... Не ругайтесь. Прощайтесь с вашей мамочкой. Всё, я уезжаю в Крым. Там у нас домик есть, я там проживу. Спрячусь там и доживу спокойно жизнь.

ИНЕССА. Я с тобой, Света. Я не могу тут остаться. Тёмочку и его друга возьмем с собой?

СВЕТЛАНА. Возьмем. Даже если они хотят пожениться, мне всё равно, пусть только живут в любви. Тем более, в Крыму, кажется, такие браки разрешены.

ТИМОФЕЙ. Бабушка, да я пошутил, я триста раз сказал. Я хотел вас развезать! Да вы что тут снова орете? Отец, скажи им своё: «Стопэ»!

ТАНЯ. Мама, куда ты собралась? Там в Крыму, в доме, нет света, нет канализации, только стенки. Не бредь. Как ты там жить собралась?

СВЕТЛАНА. Собралась вот! Там чайки, чайки, чайки там, чайки, Таня, Танечка!

ТАНЯ. Блин, «Чашка Петри» какая-то, всё это! Инкубационный период какой-то! Зараза разрастается и разрастается, перекидывается с одного на другого!

ВАНЯ. Кому арбуз, а кому свиной хрящик.

СВЕТЛАНА. Там чайки и там на участке сад есть. Вишневый!

ТАНЯ. Черешневый, мама.

СВЕТЛАНА. Ну и хорошо! Я буду черешней на рынке торговать, заработаю денег и дострою дом. Проведу свет, проложу канализацию. Сама буду яму, канаву копать под канализацию!

ТИМОФЕЙ. Бабуля, мне нравится твой бизнес-план. Я подписываюсь. Брайен? Ты с нами? На хер тебе эта Англия? В России лучше. Смотри – как весело у нас? Остаешься?

БРАЙЕН. Es.

ГРИГОРИЙ. Прекратите все! Не устраивайте тут международный скандал!

БРАЙЕН. I want to go with you, we will go to the Crimea! I love this granny so much! And this grandmother! And this grandfather! And your mother! And these two are sullen man! I love Russia! Yes, I realized that I love Russia very much!

СЕМЕН. Что он сказал?

ИГОРЬ. Я понимаю тебя. Ай лавью Раша. Знаешь, что? Если ты любишь Россию, то не хочешь ли ты поработать в фирме «Колокольчик голубой»? В моей бригаде как раз нет изюминки! Ты будешь ею!

ТИМОФЕЙ. Он сказал, что он хочет в Крым, не слышал? Какой колокольчик?

СВЕТЛАНА. Нет! Он поедет с нами. Пошли все отсюда прям сейчас. Мне одной страшно сделать шаг. Пока пьяные и пока не передумали – пошли, а? Там чайки, чайки, чайки там, чайки! Пошли!

ПЕТР. Стопэ! Светлана Игоревна, я тоже с вами! Жги! Давай! Да! Все в самолет!

ТАНЯ. Да ты пьян в дугу! Какой самолет? С левой ноги в самолет? Ты-то куда?

ПЕТР. С левой ноги в самолет! И с правой! И обеими ногами! Нет! Да! Стопэ! Я тоже с ними! Я в саду себе сделаю шалаш под деревьями и там буду жить!

ТАНЯ. Пить ты там в шалаше собрался, тут я тебе не даю, да?

ПЕТР. Не пить! А жить! Я тут не могу больше, тоже! Ты меня загрызла! Вот и пью!

ТАНЯ. Что тебе тут-то плохо? Живешь, как у Христа за пазухой! Отец тебе бизнес сделал, всё для тебя, а ты что?

ПЕТР. Стопэ! Я скажу тебе вот что. Ты видела, у нас в туалете паук живет и плетет паутину?

ТАНЯ. Какой паук, чего, что ты врешь? У нас Галя, уборщица, убирает каждый день?

ПЕТР. Херово она убирает. В доме жена должна убирать, а не приходящая уборщица! Бедная украинка Галя! Ей по хер всё: грязь размазала и вперед. А я захожу каждый день в туалет, включаю свет и вижу, как этот паук убегает в щель!

ТАНЯ. И что? Я тоже туда хожу, не видела я никаких пауков что-то, врешь ты всё.

ПЕТР. Он живет там много лет! У нас в квартире только двое живых: я и этот несчастный паук, одинокий, он живет без пары столько лет! Ест, спит и мучается, что не умирает! Мучается от одиночества!

ТАНЯ. Реже в туалет ходи, тогда таких мыслей дурных не будет!

ПЕТР. Юмористка? Я по правде! У меня сердце сейчас разорвется!

ТАНЯ. Ну, что разорался? Вы с мамой бредите одинаково. Она про кота, ты про паука. Вы оба сдвинулись, а? Вроде не прямые родственники? Какое тебе одиночество? А я? А Тема?

ПЕТР. Стопэ! Он мне не сын!

ТАНЯ. А от кого я его родила? От святого духа?

ПЕТР. Я добрый и хороший! А он? А ты посмотри на этого злобного зверька!

ТИМОФЕЙ. Я не зверька!

ПЕТР. Ты меня ненавидишь, Тёма. А ведь я тебя всегда любил. Эх, ты!

ТИМОФЕЙ. Я всех ненавижу. А ты, папа, троить начинаешь, тебя надо из розетки вытащить.

БРАЙЕН. Es.

ТАНЯ. Ты заткнись еще, чухан с района, англичанин недоделанный!

СЕМЕН. Стойте. Не ругайтесь. Всё разбилось, но я хочу склеить чашку.

ТАНЯ. «Чашка Петри», говорю же. Не склеить. Разбухают микроорганизмы. Гниль растет!

СЕМЕН. Будет трещина в чашке, да, но мы будем жить потихоньку, ну? Давайте дружно закончим мой день рождения красиво! Как Инесса и Гриша говорят: «Возьмемся за руки, друзья!».

ТИМОФЕЙ. Дед, не надо за руки, а то волосы стынут в жилах от твоих слов ... Едем лучше с нами Крым, дед, а?

СЕМЕН. А есть другие варианты?

ИНЕССА. О, я прям вижу афиши крымско-татарского театра!

СВЕТЛАНА. Хоть на старости проживу как человек. Там чайки, чайки, чайки там, чайки!

ТИМОФЕЙ. А сколько нас получилось поехать? Шесть человек? Да. А вы остаетесь.

СЕМЕН. А на чем собрались ехать? На бла-бла-каре? В самолет пьяных не пускают!

ИГОРЬ. Можно, и я с вами поеду?

ТИМОФЕЙ. Мест нет в бла-бла-каре.

ИГОРЬ. Я пригжусь. Это шанс мне вырваться. В большой семье клювом не щелкают.

ГРИГОРИЙ. Так, ты лучше продолжи свой концерт, ты, колокольчик голубой?

ИГОРЬ. Ладно. Я тогда лучше отдельно прилечу, завтра. Протрезвею и прилечу.

ГРИГОРИЙ. Как протрезвеешь, так не прилетишь. Это только по пьяни делается.

СВЕТЛАНА. В Крым, в Крым, в Крым! Собирайте еду, в дороге пригодится!

КЛАРА. Да что вы со своим Крымом завелись? Я там каждое лето горбачусь. Ничего там хорошего нету. У меня там палатка своя овощная есть. Четыре месяца с мая по октябрь я там. И Ваня со мной, ящики таскает и кукурузу продает!

ВАНЯ. Нужда скачет, нужда плачет, нужда песенки поет ... Да! Да! Да!

КЛАРА. Не дадакай, а то полетишь отсюда вверх жопой! Отдыхать там – да, а мы вот там всё здоровье свое угробили. Чайки. Ага. Барахло там одно. Там всё сливается из трубы выгребной в море, а чайки летают и какашки эти жрут. А вы тут - лирику.

ВАНЯ. Не ври, Клара! Там море. Я там торгую кукурузой каждое лето. Хожу по пляжу, как свободный человек и кричу: «Кукурузу кому! Кому кукурузу!». Правильно она спела: «Только в полете живут самолеты!» ...

ГРИГОРИЙ. Тут все шпионы крымские, что ли? Крымско-татарские, да, это самое? «Крымнаш» тут все кругом, да? Ненавижу вас за этот спектакль! Ненавижу!

ИГОРЬ. Всё! *(Кричит, что есть силы).* Молчите все!
Молчание.

По сценарию у нас в программе еще часть осталась, финальная.

СЕМЕН. Гимн, поди, нет?

ИГОРЬ. Угадали. Почти Гимн. Песня о России. У нас так запланировано. Директор фирмы требует, чтобы было больше патриотического в программах. Девушки, сюда!
Выскачили девушки с ветками березы в руках и в кокошниках.

СЕМЕН. А чего девки твои не ушли еще?

ИНЕССА. Не смей! Они не девки они, а артистки! Они близнецы! Почти! Потому что разнойцевые!

СЕМЕН. Они тоже в Крым хотят?

ПЕТР. Да. Пусть они с нами тоже поедут. А?

ИНЕССА. Крым безразмерный, что ли? Давайте, всех соберем, что ли?

ИГОРЬ. Они в татарском театре у вас играть будут. И я тоже. Мы бы и там пели. Девочки – хотите? Галя, Ира? Тут – ловить нечего. Едем в Крым?

ГАЛИНА. У меня ребенок маленький. Может, я пойду уже? Программа кончилась ...

ИРИНА. И у меня мальчик дома. Нам надо стихотворение на ёлку учить ...

ГРИГОРИЙ. А что, на ёлке про березки стихи будете читать?

ИРИНА. А про что еще?

ГРИГОРИЙ. Проклятые березки. Всё они, всё вы! Дай ветки эти, я их переломая, проклятые! Это всё из-за этих березок, чтоб они сдохли!

ИГОРЬ. Не трогайте наш реквизит! Девочки! Песню о России и по домам! Собирать чемоданы и в Крым! Поем!

СЕМЕН. Давай петь, чего уж, это самое, раз дошли совсем до ручки ...

ИГОРЬ *(кричит).* Ира, Галя! Россия, вперед!
Все поют «Отчего так в России березы шумят?». Спели один куплет.
Девушки стоят, плачут.
Все плачут.

ТИМОФЕЙ. Поедим и поедем. Сели за стол, ну?!
Все сели, едят. Молчат.

ВАНЯ. Срыва – ноль. Подрыва тоже. Никто никуда не поедет.

СЕМЕН. Да. Мы тут жили и тут все подохнем. Это у вас водка плачет, водка истерит, водка гуляет. Водка собралась в Крым. Не вы. Но хотелось бы. Да. Мне тоже.

ГРИГОРИЙ. Лучше бы мы не ходили сюда на этот чертов день рождения.

СЕМЕН. Точнее – на похороны СССР.

ИНЕССА. Давно уж его похоронили, никто не помнит, один вы, Семен Прокопьевич.

ИВАН. Клара, выходи за меня замуж. Тут будем жить. Нам что Крым, что крематорий – всё равно. Никуда не поедem. Согласна ты?

КЛАРА. Согласна, чё.

ИВАН. Мы на чебуречной напишем баллончиком: «Тут познакомились Ваня и Клара». Всё! Бурно переходим с дня рождения Семёна Прокопьевича на нашу свадьбу. Русский человек как выпьет, так добрее. Выпить надо ещё. Помягче станем.

ГРИГОРИЙ. Потому все и пьяные всегда.

СЕМЕН. Света, Тёма, Петя и вы все ... Ты тоже, Брайен. Вы это ... Вы меня не сжигайте, похороните так.

СВЕТЛАНА. Почему?

СЕМЕН. Ну, потом же должно быть это ... Как его? Воскресение, что ли? Нет, Григорий Петрович?

ИНЕССА. И что? Все из гробов будут вставать?

СЕМЕН. Ну да. Не сжигайте. Должны потом все встать. Я, правда, не знаю, как это будет технически, но ... Должно быть так.

БРАЙЕН. Вос-кре-се-ние? Воскресение?

ИГОРЬ. Братан, братишка, дай микрофон. Я спою и все споют. Тоси-боси такое. Прикалдэс такой. Вот и будет нам – вос-кре-се-ние! Добрый вечер, я диспетчер. Если лошадь сдохла, с нее надо слезть. Не делай ничего, а сиди и жди, когда мимо окон понесут труп твоего врага. Поём, ну? Вместе, ну?

Молчат.

Все встали у стола, никто не садится.

Смотрят на тарелки и еду.

Темнота

Занавес

Конец

21 сентября 2020 года

Город Екатеринбург